

БОЕВАЯ МАМА БРЕВНИХ

КОЗНИ КОЛДУНА ГУННАЛУГА

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Гиперборейская скрижаль

Сергей Самаров

Козни колдуна Гунналуга

«Автор»

2012

Самаров С. В.

Козни колдуна Гунналуга / С. В. Самаров — «Автор»,
2012 — (Гиперборейская скрижаль)

Скандинавские викинги напали на славянский острог, сожгли его и угнали в рабство женщин и детей. Славянские воины на ладьях начали преследовать врага, чтобы жестоко отомстить им и освободить из плена своих родных и близких. Среди русов затаился колдун Гунналуг, у которого совсем иные цели: он во что бы то ни стало хочет заполучить заветную седьмую гиперборейскую скрижаль, которая сделает его самым могущественным колдуном на свете...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Козни колдуна Гунналуга

Глава 1

Что такое настоящие родительские чувства, родительская любовь – ярл Торольф Одноглазый если и знал когда-то, то забыл уже давно. И потому удивился сам себе, когда осознал, что ему тоскливо и больно думать о смерти сына, которого он, если честно признаться, все последние годы только ненавидел и боялся. Хотя поддерживал в войнах с другими ярлами, соседями, и Снорри, конечно, тоже его поддерживал против ближайших неприятелей, потому что иначе сложно было выжить и отцу, и сыну, каждый из которых отсутствием аппетита к чужому не страдал. Так, за последние несколько лет, с тех пор, как сын отделился от отца, совместными усилиями они больше чем на треть увеличили родовые владения, хотя однозначно совместными эти владения назвать было сложно.

Все началось с того, что после набега на прибрежные поселения Сардинии Торольф получил стрелу в интимное место и после такого ранения больше не нуждался в женщинах. И потому посчитал излишним видеть рядом с собой каждый день властную и надоедливую жену Хельгу, которая лезла не в свои дела и всегда желала настоять на своем мнении. Более того, она в самом начале совместной жизни попыталась однажды даже поколотить мужа. Его, воина. Это было неслыханной дерзостью, за что Хельга поплатилась, навсегда оставшись с изуродованным носом. На нос было противно смотреть. Потом стало вообще противно смотреть на жену. И Торольф просто изгнал ее в один из своих дальних бедных домов, куда давно не заглядывал сам, предоставив Хельге возможность командовать живущими в окрестностях бондами, но никак не мужем. Однако бонды тоже оказались людьми с характером, от сильной руки поотвыкли, и, чтобы поставить их на место, Хельга призвала сына. Тот, не спросив у отца ни совета, ни разрешения, собрал своих наиболее близких людей, многих из которых сам Торольф до этого считал своими близкими людьми, и прибыл на место по зову, совершив стремительный пеший марш через гниlostное и топкое болото, а потом и через невысокий горный хребет всего за одну ночь. Снорри быстро сумел навести порядок, поскольку на руку всегда был скор и никогда не понимал такого простого слова, как пощада. Не понимал, даже когда это слово могло относиться к своим же вроде бы людям. Такое свойство характера Великана произвело на бондов неизгладимое впечатление. И в корне пресекло любое инакомыслие в будущем. Бонды наивно считали себя свободными людьми, но Снорри наглядно доказал им, что свободными они могут стать только после собственной смерти, да и то лишь в случае, если Один будет к ним благосклонен. А на земле, в отличие от Вальгаллы с ее кострами, свободен только тот, кто располагает силой и умеет этой силой пользоваться.

Сам Торольф всегда уделял мало внимания сыну, не считая его обществом достойным своего, потому что Снорри был, как казалось ярлу, и глуп, и заносчив не в меру, и не в соответствии со своими достоинствами горд. Горд даже в обыденном общении с отцом, что вообще уже выходило за всякие рамки и не могло оставлять взаимоотношения отца с сыном нормальными. Сам славящийся не великим умом, разве что замысловатой хитростью, Торольф все же умел работать головой. Сын такую работу презирал. По большому счету единственным достоинством Снорри была чрезвычайная физическая сила. Ну, и обязательно прилагающаяся к этой силе стать великана, за что Снорри и прозвали Великаном. Даже одна эта стать могла кого-то остановить, заставить не лезть на рожон. А если не останавливала стать, то в дело вступала сила. Но даже управление землями требовало приложения умственных сил, а не физических, а этого Снорри было не дано. И земли, отошедшие к Снорри после раздела имения Торольфа,

произведенного по настоянию Хельги, оставались под управлением матери. Она обладала умом большим, чем сын, и успешно справлялась с делом вместо него. И управляла даже теми землями, которые были присоединены к имени Снорри после раздела, то есть попросту завоеванными или отобранными у соседей под угрозой расправы, на которую Снорри Великан был настолько скор, что это пресекало всякое желание вести с ним переговоры. Более того, Хельга имела почти мужской авторитет в нескольких прибрежных виках. То есть посылала мужчин в бой, если это требовалось, не спросив разрешения сына, которому эти мужчины вообще-то и должны были подчиняться, и несколько раз отправляла драккары в набеги, оплачивая снаряжение и продовольствие, за что получала свою законную десятую часть прибыли. Снорри такой хозяйкой был доволен больше, чем своей женой, тихой и забитой, способной руководить только на кухне среди котлов и очагов, и испуганно смолкающей при виде мужа, который ее время от времени слегка поколачивал. Слегка – это значило, что только не убивал.

Сначала, когда Торольф изгнал жену за ненадобностью, Хельга так и жила одна и приглашала сына время от времени, чтобы тот помог ей утвердиться во взаимоотношениях с бондами и с соседями, или просто когда начинала скучать по нему. И Торольф Одноглазый таким положением вещей был доволен, потому что именно к этому он стремился. Но однажды, когда Снорри приехал в очередной раз в отцовский дом после визита к матери, Торольф, со свойственной воину и владетельному ярлу проницательностью, заметил не свойственную сыну задумчивость и нерешительность, словно тот намеревался что-то сказать, но в привычном тугодумии своем не знал, с чего начать. Сын молча выслушал грубую тираду отца и ничего не ответил, хотя и терпеливость была ему вовсе не свойственна. Грубость Торольфа в тот раз была вполне обоснованной. Снорри знал, что отец готовится к выяснению отношений с одним из сильных соседей, но увел с собой свои три сотни воинов, чтобы помочь матери на границе с другим соседом, хотя там дело терпело и особой необходимости срочно решать его не было. А Торольфу, в результате отлучки сына, пришлось после непродолжительного боя, чувствуя, что его дружину могут окружить, отступить в свой дом за высокие дворовые стены и отказаться от битвы в поле. Это было по большому счету и позором, потерей авторитета, и признанием поражения. И положение обязывало немедленно восстановить свое имя и доказать, что связываться с ним впредь не стоит. Снорри прибыл, когда сделать это было еще не поздно, и отец, привычно не слишком вежливо, приказал утром быть готовым к выступлению. На что Снорри только отрицательно покачал головой. Длинные его волосы при этом мотались по плечам и по груди и говорили больше, нежели язык. Тогда только Одноглазый догадался, что предстоит какое-то выяснение отношений. И он понял, какое, еще до того, как Снорри начал говорить. И еще многое понял, потому что успел оглянуться и сразу оценил ситуацию – в комнате воинов Снорри было в два раза больше, чем его воинов, лежащих у очага, и воины сына были все оружными, в отличие от людей самого ярла, проявивших беспечность. Хотя беспечностью это назвать было нельзя, потому что тогда беспечным можно было бы назвать и самого Торольфа. Он никак не ожидал в этот трудный момент предательства со стороны Снорри. Как же могли ожидать такого предательства его люди, которые вообще не должны были вникать в семейные дела ярла.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Торольф, не веря, что сын посмеет поднять на него руку, но на всякий случай ухватившись под плащом за рукоятку длинного и узкого кинжала. Слабую сторону сына Одноглазый хорошо знал – Снорри считает, что его боятся. И потому он всегда готов к нанесению удара и редко бывает готовым к защите. И этим отец мог воспользоваться, если уж дело зайдет слишком далеко.

То, что начал говорить Снорри, было явно не его словами. Это были слова мстительной Хельги, и слова эти были для жадноватого ярла острее любого ножа.

– Я хочу сказать, что выступлю в твою поддержку только при одном условии.

Раньше Снорри никогда условий не ставил. Уважение к старшему в роде обязывало младших выслушивать только условия ярла.

– Я слушаю тебя. Что тебе подсказала твоя глупая голова или, что гораздо хуже, твоя неразумная мать? Она-то доброго никогда не присоветует, и я часто жалею, что еще в молодости не вырвал у нее язык. Это избавило бы меня от многих неприятных минут. А тебя от необдуманных поступков. Говори...

– Мы разделим с тобой имение поровну. Кроме того, часть своей доли ты выделишь матери. Ты же обязан о ней заботиться. Ее вины в твоём ранении нет.

– Ей я выделил столько, сколько этой старой кляче полагается, и даже, наверное, больше. А ты получишь не половину, а все, но только после моей смерти.

– Отец, не заставляй меня желать тебе смерти, – равнодушно попросил Снорри.

Скажи он это иначе, с чувством, с угрозой, в конце концов, Торольф оглянулся бы, не занес ли кто-то уже оружие над его головой. Но равнодушие в голосе сына говорило о том, что Великан просто повторяет выученные слова, звучащие как весомый аргумент. Наверняка Хельга заставила сына несколько раз повторить фразу, чтобы тот хорошенько ее запомнил. Он запомнил, но повторять устал, и потому теперь произнес ее так равнодушно. Но это была, пожалуй, самая большая вежливость, которую Торольф слышал от сына за все последние годы. Обычно Великан, с тех пор как стал взрослым и осознал свою силу, умел говорить только грубости, считая, что должен разговаривать с другими только так.

– Я могу постоять за свою жизнь. И даже перед сыном.

Уж чем-чем, а угрозами воздействовать на Торольфа было невозможно. И сын, и Хельга знали это лучше других. И потому Торольф понимал, что сейчас прозвучат другие слова, и опять слова, не свойственные Снорри, а только вложенные в его уста матерью, все и всегда умеющей просчитывать до тонкостей и не упускающей ни одной мелочи.

– Я предлагаю тебе не войну, а союз. У нас у каждого будет свое имение, но это имение будет все равно почти единым, поскольку каждый из нас обязан будет поддерживать другого в трудную минуту. Или ты соглашаешься, или я со своим войском немедленно уйду в те земли, которые считаю своими, и попробуй отобрать их у меня.

Хельга прекрасно владела ситуацией и знала, что у Торольфа вражда сразу с четырьмя разными ярлами, и выяснить отношения с ними следует как можно быстрее, пока они не надумали объединиться. Если они объединятся, тогда уже и союз со Снорри не поможет. Но, чтобы разделаться с каждым по отдельности, требуется стремительность действий и отсутствие сомнений в собственных возможностях. Следовательно, Снорри отцу просто необходим. Более того, Торольф мог предположить, что Хельга приложила собственную руку, чтобы обострить его отношения с соседями. Это было бы полностью в ее духе.

– Я согласен, – быстро все сообразив, ответил Торольф. – Я согласен разделить с тобой часть земли. Не всю свою землю, а часть. К твоей части отойдет в дополнение то, что я временно выделил твоей матери. Женщина не может быть ярлом. Следовательно, она не является владелицей того дома, где живет. Там владелец только один – я. Но я выделю эту землю тебе. И разделю еще часть. На большее можешь пока не рассчитывать. Ты и без того получишь больше трети. Для начала этого тебе хватит.

– Мне нужно ровно половину, – угрюмо сказал Снорри. – Может быть, потом я попрошу больше. Если ты сразу не согласишься. И титул. Обязательно титул. Сразу. С половиной земли я смогу называться ярлом. С третью земли я буду считаться простым бондом. Только половину, отец. Меньше меня не устроит.

– Нет.

– Твой выбор, отец, сделан? Тогда я уйду.

У Торольфа в глазах мелькнула тоска. Мелькнула молнией, которую Снорри, конечно, и не заметил. Но сам ярл не ощутить собственную тоску не мог. Снорри уходит. Это значит,

что завтра Торольф не сможет вывести свое войско на бой, и тогда потеряет еще значительную часть земли, пусть пока и чужой, но мыслями он к ней давно и прочно привык и даже строил уже планы относительно заселения нового вика в маленьком, но удобном фьорде. И естественным было желание посмотреть на дело с иной стороны: не лучше ли дать что-то Снорри, но возместить потери за счет других? Это было бы гибким решением, а Торольфу нравилось считать себя гибким человеком, способным на разумные поступки.

– Я согласен...

– Прикажи позвать лагмана. Мы составим договор.

Хельга даже это предусмотрела.

Сам Снорри никогда бы не додумался звать лагмана...

* * *

Ветер снова крепчал, хотя эпицентр шторма, в который драккары недавно угодили, был умело отведен в сторону рукой, мыслями и заклинаниями колдуна Гунналуга. После шторма, когда ослаб ветер, Гунналуг зачем-то еще создал туман, оправдывая это необходимостью спрятать какие-то следы, но океанские волны следов не оставляют, а преследования Торольф не боялся, да и преследовать их было некому. А драккары уже приближались к полосе прибрежных рифов, и искать проходы в тумане было не просто рискованно, это было смертельно опасно, и смешно было бы погибнуть, затратив столько усилий и еще не добившись результата. Радовать врагов и бесславно гибнуть, не сумев преодолеть привычную преграду, Торольф не желал, и потому настоял на своем, требуя разогнать туман. Колдун неохотно, подумав и поморщившись, все же согласился, пропустил поток ветра, которым туман был быстро превращен в рваные клочья. И сделал он все вовремя. Еще полчаса, и было бы поздно. А так полосу рифов, совершив несколько крутых маневров с помощью весел, прошли благополучно. И оказались совсем недалеко от берега, но ветер снова готовил шторм, которому полоса рифов помехой быть не может, и в этой узкой прибрежной полосе шторм мог доставить много неприятностей, потому что шел с восходной стороны и мог просто выбросить драккары на прибрежные скалы. Следовало позаботиться о быстрой высадке на берег, следовало многое предусмотреть и о многом позаботиться, а мысли, как назло, были заняты другим. Хорошо еще, что Торольф всегда держит только опытных кормчих, которые сами в состоянии давать правильные команды. И они уже начали эти команды давать. Все лодки шли дружно и точно, повторяя каждый маневр первой.

Сейчас, когда сына, а следовательно, и угрозы с его стороны не стало, почему-то вспомнился этот разговор о разделе имения, и вспомнился он совсем по-другому. Снорри Великан уже не казался таким отъявленным негодяем, каким казался тогда, и вспоминался только как жертва интриг своей властной матери, противиться которой он никогда не мог. Ее напору трудно было противиться даже самому Торольфу, что же говорить о Снорри, большом и сильным телом, но не обладающим сильным духом человеке. На Снорри всегда можно было воздействовать. И мать умела это делать лучше других. Не сам же Снорри, в конце-то концов, проявил вдруг желание стать конунгом. Это она, его мать, официально только мать ярла Снорри, была в действительности женщиной-ярлом, то есть тем, чего не бывает в природе. И она же хотела в дополнение ко всему стать женщиной-конунгом. Не называясь так официально, но стать. Конунг, прячущийся в тени широкого плеча своего сына. Хельга слишком любила власть и слишком стремилась к ней. Торольф даже уверен был, что, сделав официальным конунгом Снорри, Хельга через сына добилась бы принятия закона, согласно которому женщина могла бы стать полноправной правительницей, и, возможно, стала бы ей через какое-то время. Но такого, как понял Торольф, не пожелал видеть сам Один, покровитель мужчин-воинов.

Один выбрал кардинальное, хотя и простейшее решение вопроса. Казалось, трудно сыскать человека, способного противостоять Снорри, и вот он нашелся в самый критический момент. Один послал этого человека в нужное время в нужное место. И такое решение Одина требовало теперь и от Торольфа определенных действий, чтобы подчиниться божественной воле и прекратить все поползновения женщины выбраться во власть. Один наказал Хельгу за излишние притязания болью утраты и крушением планов. Одновременно он отнял у Хельги все, что, как считалось, получил от отца Снорри, хотя в действительности это получила его мать.

Боль от потери сына, конечно же, была и у самого Торольфа, хотя Одноглазый никому и никогда не показал бы свои чувства. Но при всей остроте этой боли он уже начал думать о том, как вернуть себе земли, которые вынужденно отдал сыну. Воля Одина просматривалась и в этом. В принципе, дело не слишком и сложное и вполне разрешимое. Их нужно только взять, и все. После Снорри осталось только три дочери и нет сына. Дочери не могут наследовать отцовскую землю. Дело отца – найти им, когда подрастут, подходящий союз и подобрать приданое. Но земля, которая отошла бы к старшему сыну Снорри, будь такой в природе, теперь может отойти обратно к отцу. Вся, в том числе и та, что была отдана Хельге во временное пользование. И ни один лагман не скажет, что Торольф в этом не прав.

А сама Хельга?

Ее оставлять просто так, без присмотра, никак нельзя. Она может сделать много гадостей. Слишком много. Все потому, что хорошо знает дела мужа и способы, которыми он часто разрешал свои дела. Но с ней разобраться будет проще. У нее теперь нет защитника, а жалости она не вызывала никогда. И едва ли сможет найти нового защитника, который пожалеет ее и не побоится выступить против ярла Торольфа.

– Ярл... Уже подходим к скалам. Ветер вот-вот перейдет в шторм... – сказал Красный Нильс, кормчий с лодки Торольфа.

Красный Нильс сказал это со спины, и Одноглазый слегка вздрогнул от этих слов. Слишком походил голос кормчего на голос Снорри, хотя и не был таким сильным, и вообще звучал более хрипло от постоянного напряжения в ненастную погоду.

Торольф обернулся.

– Пойдем в ближайший фьорд...

– Я плавал здесь и знаю берег, – сказал Красный Нильс. – Фьордов много, но войти можно, пожалуй, только в один...

– И что? Почему мы не можем в него войти?

– Придется входить с боем...

– Ингьяльд? – сразу понял Одноглазый.

– Ингьяльд... – подтвердил Красный Нильс.

Старый ярл Ингьяльд, норвежец, но родственник шведского Дома Еталандов, следовательно, противник родственного Торольфу шведского Дома Синего Ворона, жил всегда в отдалении, и если занимался политикой, то больше шведской, чем собственно норвежской, посылая свои полки в соседнюю страну кому-то в поддержку. Правда, полков этих было немного, и все они были разбросаны по разным имениям. Так уж сложилось, что Ингьяльд владел поместьями в разных концах страны и даже в Швеции, но сам жил постоянно на самой оконечности суши вблизи вечных льдов океана, удалившись сюда много лет назад и не желая возвращаться к людской суете.

По большому счету у Торольфа Одноглазого никогда не возникало конфликтов с ярлом Ингьяльдом, просто потому, что их интересы ни в чем и никогда не соприкасались. Но совсем недавно, собирая мнения наиболее влиятельных людей Норвегии, Торольф направлял к Ингьяльду посольного по вопросу выборов конунга, и тот ответил коротко и однозначно, что после смерти Кьотви для него лично будет существовать только один конунг – это сын Кьотви.

На выборах с мнением старого ярла можно было бы и не посчитаться, потому что реальной силы, способной решить исход борьбы за власть, он не имеет. Тем более что здесь, в этих восходных и полуночных землях Норвегии, сам Ингьяльд уже много лет пытается усмирить жителей прибрежных вигов и подчинить их себе, но это у него плохо получается. Влиятельный бонд Торстейн объединил вокруг себя всех сильных бондов, живущих поблизости, и не признает власти Ингьяльда. Точнее, война идет даже не за земли, потому что земли здесь бросовые, ни на что не пригодные, и воевать за них смысла нет. Местные жители живут только рыбной ловлей и добычей морского зверя. Но бонды владели единственным здесь фьордом, который можно назвать бухтой, способной принимать сразу много лодок. А ярл эту бухту отобрал и построил на берегу фьорда свой дом, оставив рыбакам лишь небольшие разрозненные бухточки, слишком неудобные для того, чтобы ими пользоваться сообща. И после многолетней и еще не завершенной войны внутри своих земель и на их границе старому ярлу вовсе не до того, чтобы поддерживать кого-то из кандидатов на титул. Он не может оставить свое имение, не опасаясь, что вернуться ему будет некуда. Однако вести о том, что Торольф Одноглазый пытается стать конунгом, до здешних мест наверняка уже дошли. И встреча с Ингьяльдом может быть не слишком приятной.

Торольф думал долго.

– Он нам не обрадуется, – добавил Красный Нильс.

– Прикажи всем снарядиться к бою. Будем высаживаться здесь, если больше нигде...

– Есть еще один фьорд. Немного полуночнее. Но совсем маленький. Мы там тремя драккарами еле поместимся и совсем будем лишены маневра среди местных лодок. Но там вокруг фьорда высокие скалы, и они хорошо защищают от ветра. По крайней мере, на берег не выбросят. Правда...

– Что там?

– А там просто живут разбойники, которые никому не подчиняются. С ними как раз и воюет ярл Ингьяльд.

– Это тот самый Торстейн?

– Да, ярл. Торстейн Китобой... Кто-то говорит, что он человек без совести, кто-то говорит, что он честный и вольный человек, который не желает отдавать свое, – я не берусь судить...

– До шторма туда дойти успеем?

– Как раз уложимся по времени.

– Тогда правь туда... – решился Одноглазый.

– Но там нас могут встретить еще хуже.

– Пусть попробуют. За себя мы постоим. Но я уверен, что нам не потребуется обнажать мечи. Правь туда... Мне все равно нужны эти люди, и я еще раньше планировал навестить Торстейна в его логове. Я хочу нанять Торстейна Китобоя к себе на службу. И не забудь приказать поднять белый щит на мачту...

* * *

– Вон за тем мысом, ярл, – сказал Красный Нильс.

Торольф посмотрел в сумрачную даль. До мыса оставалось полторы тысячи гребков, и до шторма все три драккара могли найти себе достаточно надежное убежище, если, как говорил кормчий, фьорд в самом деле хорошо защищен от ветра.

Только в последний момент Одноглазый решился побеспокоить колдуна, который жаловался совсем недавно, что обессилел почти полностью. Ярл раньше никогда не имел плотного и длительного дела с колдунами и потому плохо представлял себе их жизнь и работу. Те мелкие, ничего не умеющие мошенники, что толкались на народных праздниках и ярмарках и предсказывали людям их судьбу или обещали за мелкую монетку выполнить любое их желание, в

счет не брались. И никогда Торольф не думал, что колдовство и магия – это тяжелый напряженный труд, который отнимает много сил. Но Гунналуг, перед тем как отправить от себя ярла, наглядно показал, что за дело – колдовство. Он вытащил откуда-то из-под медвежьей шкуры тонкую длинную щепку, зажег ее над очагом и поднял перед лицом Одноглазого.

– Смотри на пламя и ни о чем не думай. Вообще ни о чем, кроме пламени.

– А если мысли сами будут в голову лезть? – спросил Торольф.

– А они не должны лезть. Ты сам – хозяин своей головы. Ты и командуй мыслями. Ты только о пламени должен думать. Контролируй себя и свои мысли. Если сумеешь ни о чем не думать, ты по своему желанию сможешь потушить огонь. Думай только о том, что можешь потушить огонь. Это самое простое, и с этого любой колдун начинает...

– Попробую, – согласился ярл.

Он попробовал, он всю голову и единственный глаз напряг так, что тот из глазницы был готов выпрыгнуть и в огне щепки сгореть. Но посторонние мысли, как нарочно, сразу полезли в голову, все путали, мешали, сопротивлялись желанию, и он оказался не в силах противостоять им.

– Нет. Не получается, – сказал Торольф. – Сразу начала болеть голова. Как можно думать об одном и все другое убирать? Не бывает так!..

– У меня голова болит постоянно. Однако я научился сбрасывать свою боль на других. Пусть болит у них. Но ты попробуй еще, когда останешься один, поработать с огнем. Такое умение – это называется концентрация! – главное для любого колдуна. Когда ты сможешь контролировать свои мысли в течение часа, ты станешь равным Одину и одним взглядом сможешь создавать груды золота, глушить штормы и направлять ветры, выбивать меч из рук противника и заставлять его же собственный меч выполнять твою прихоть – например, поразить своего хозяина. Все станет доступным тебе. Надо начинать понемногу. Потом увеличивать время. Голова при этом будет болеть, и будешь чувствовать себя обессиленным. Чем больше тратишь сил, тем меньше их остается – это известно. Но дело того стоит. А теперь иди. У меня осталось очень мало сил. Мне надо отдохнуть. А потом я буду думать, кем мне подпитаться. Колдуны подпитывают тело, как и люди, едой, а свой дух – людскими эманациями. Боль, страх или радость – кому что больше по вкусу. Я подумаю, чем утолить свой голод, потому что мне просто необходимо срочно и основательно подпитаться. А ты пока иди в лодку, мне необходимо побыть одному. – Колдун на прощание поднял горящую щепку перед своими глазами, просто посмотрел на нее, демонстрируя свое умение, и щепка погасла. – На это, честно говоря, даже сил не тратится. Иди, иди...

Тогда Торольф ушел, оставив Гунналуга в одиночестве, и долго не решался зайти в его закуток, чтобы не помешать восстановлению колдовских сил, как оказалось, настолько нужных даже в этом простом походе, что оставалось удивляться, как Одноглазый раньше обходился без такого помощника. Но теперь уже времени осталось слишком мало, чтобы церемониться. И совета у Гунналуга спросить стоит.

Сразу открыть полог ярл не решился. Упражнение с огнем, вызвавшее головную боль, которая ушла только после длительного пребывания на ледяном лице ветре, внушило Торольфу уважение к Гунналугу, которое не возникало даже при виде тех чудес, что были доступны колдуну. И ярл просто постучал в балку, которая удерживала кормовой настил.

– Я жду тебя, Торольф... – сказал Гунналуг, словно видел все и сквозь полог.

Одноглазый вошел. В походном очаге все так же горел огонь, и сам колдун находился на том же месте и в той же позе, в которой Торольф его оставил уже давно. Впечатление складывалось такое, словно он не шевелился все эти часы. И даже раскрытая книга лежала точно так же, создавая впечатление ничтожности времени в сравнении с могуществом Гунналуга.

– Ты уже отдохнул? – спросил Одноглазый.

– Слегка. Полностью отдохнуть я смогу только в своей башне.

Каменная башня колдуна стояла на высоком берегу моря в стороне от Дома Синего Ворона и вид имела слегка жутковатый, как и славу. Посторонние к башне старались даже не приближаться, слуги там менялись часто, потому что не многие могли долго выдержать службу в таком страшном для людей месте, и только один Гунналуг мог находиться там долго и даже, наверное, любил свое пристанище.

– Мы готовимся войти в фьорд к Торстейну Китобою. И потому у меня к тебе есть просьба.

– Говори.

– Торстейн, говорят, гостеприимством не славится. И хотелось бы сразу произвести на него и его людей хорошее впечатление. Ты не мог бы показать что-то из своих фокусов?

– Я не фокусник, чтобы показывать фокусы. Я – маг шестого колена, – резко ответил Гунналуг. – Что нужно сделать?

– Нужно продемонстрировать им твое могущество.

– Полог отодвинь... – потребовал Гунналуг.

– Что? – не понял Торольф.

– Отодвинь полог. Я хочу посмотреть на небо.

Ярл послушно выполнил просьбу.

– Все... Я понял, что надо сделать. На большие чудеса у меня сил не хватит, и летать на лодках по небу я вас не заставляю. Но маленькое чудо я им покажу. Это будет, как ты говоришь, фокус, и не более... И больше не заставляй меня ничего делать. По крайней мере несколько часов. Я потерял слишком много сил и никак не могу восстановиться. Кто-то по-прежнему мешает мне, а я никак не могу определить кто. Одно меня радует и еще дает силы. Я, кажется, нащупал нить, которая ведет к седьмой скрижали. А если нить существует, то я найду скрижаль.

– Если ты теряешь силы, выбрось за борт ведунью вместе с дочерью.

– Лучше сразу попроси оборвать нить, которую я нащупал. Нить проходит через Всеведу. Ее беречь следует больше, чем твою жизнь, ярл. Станешь ты или не станешь конунгом – без седьмой скрижали этот вопрос остается открытым. Но, даже если ты и не станешь им, с седьмой книгой при другом конунге я все равно смогу сделать тебя правителем Норвегии, а может быть, и не только. И конунг будет подчиняться тебе. Только скрижаль... Она все решает, она дает и богатство, и власть над людьми любой страны, будь то Норвегия, Швеция или Гардарика...

– А ты? – с легкими, но все же слышимыми истеричными нотками вырвался у Одноглазого нечаянный вопрос, который давно уже не давал ему покоя.

– А я тогда буду править всеми вами, правителями... – угрюмо, с какой-то непонятной угрозой ответил колдун. – Правителями разных стран и народов. Я буду правителем правителей. Готовься к этому.

– А сейчас? – несколько упавшим голосом сказал ярл, который прийти в восторг от такого своего будущего, конечно, не мог.

– А сейчас не слишком торопись войти во фьорд. Пусть сначала шторм догонит нас.

– Нас сразу выбросит на скалы. Ветер восходный.

– Меня слушай, а не ветер. Я ветром управляю. Никуда нас не выбросит. И ветер нас не тронет. Прикажи кормчему убрать весла и поднять парус. Мы поплывем только согласно моей воле. Я сам буду кормчим. И не мешай мне, выйди. Я должен сконцентрироваться. Я собираю последние силы, чтобы сделать этот... фокус, как ты говоришь. Фу, слово какое противное. И я сделаю это...

* * *

У Красного Нильса шрам на лице побелел, когда ярл Торольф приказал ему убрать весла и поднять парус и передать эту же команду на два идущих следом драккара.

– Ты решил, ярл, закончить свой и наш земной путь одновременно? – попытался Нильс усомниться в приказе.

– Хочешь взять командование на себя? – хмуро ответил ярл. – Какую роль в своей команде ты отведешь своему ярлу? Учти, что грести и ставить паруса я не умею. Я умею только владеть мечом и командовать.

Кормчий голову опустил, скрипнул зубами, но тут же взял себя в руки и громогласно дал команду гребцам и мачтовым. Потом повернулся и условным взмахом двух рук передал команду «Делай, как я», на следующий драккар. Оттуда команду передадут на замыкающий.

– Свое весло вытаскивай, – распорядился Одноглазый. – У нас теперь новый кормчий.

– Кто? – у Красного Нильса пламенем вспыхнуло лицо и воинственно растопырились косички в бороде.

– Один кормчий на три драккара. Гунналуг...

– Гунналуг?

Нильс качнул головой, не совсем понимая, но внезапно ощутил, как драккар перестал реагировать на бурное море в прибрежной полосе, оперся о борт и выглянул за него. То же самое сделал и ярл Торольф. И от увиденного они не могли не переглянуться и не заметить в глазах друг друга непонимание и страх. И было отчего появиться непониманию и даже страху, потому что ни один из них, всю свою жизнь проведя в плаваниях, не встречался с подобными. Море как было бурным, так и оставалось. И шторм, как приближался раньше, так же стремительно приближался и теперь, стеной из дождя, волн и рваных низких туч придвигая в сторону берега видимый горизонт. Но вокруг драккара на расстоянии двух локтей стояла неподвижная и спокойная вода. Не могло быть такого спокойствия в природе океанской воды. Вообще никогда, даже в самую спокойную безветренную погоду – не могло, но все же оно было, и три человеческих глаза одновременно оценили это.

Не сговариваясь, Торольф с Красным Нильсом глянули в сторону идущего вторым драккара. Там тоже уже подняли и весла, и парус, и тоже, кажется, удивлялись спокойствию вокруг своей лодки, как ни странно, не потерявшей при этом хода. Моряки свесились с борта, высматривая воду под ним. Третий драккар видно было плохо за корпусом второго, но можно было не сомневаться, что и там происходило что-то похожее.

А тут еще и ветер над драккаром полностью стих. Впечатление было такое, что лодки попали в полосу полного штиля. И даже тишина наступила. Но тишина не была продолжительной. Должно быть, Гунналуг, создав ее, решил от такого излишества, отнимающего его силы, отказаться. И ветер снова зашумел, долгим гулом пришло шевеление волн, но все это было в стороне. Совсем рядом с ясеневыми бортами лодок, но все же в стороне. А драккары плыли, хотя ими никто не управлял, как плыли и раньше, управляемые людьми, в нужном направлении. Разве что скорость слегка упала.

– Нам бы до шторма в пролив войти, – высказал пожелание Красный Нильс. – Пролит узкий и кривой, там вертеться нужно.

– Гунналуг наоборот хочет – именно в шторм войти. На глазах у всех рыбаков, чтобы сразу поняли, с кем имеют дело, – ярл Торольф сам сомневался в выполнимости желания колдуна, тем не менее отказаться от услуг Гунналуга и настоять на своем он просто не смел.

Кормчий опять покачал головой. То ли тоже сомневаясь, то ли просто не одобряя.

– Если нас бросит на скалы в проливе, не выплывет никто. Там просто зацепиться не за что, чтобы выбраться на берег.

Ярл вздохнул, потому что сам того же боялся, но смирился:

– Значит, нам предстоит скоро встретиться с Одином. Это слегка нарушит мои планы. Я многого еще не успел сделать. Нильс, я же сказал, не прикасайся к веслу...

* * *

В рыбацком селении видели приближение трех незнакомых драккаров, как и стремительное приближение шторма, грозившего эти драккары вот-вот настичь, сначала накрыть волной, потом приподнять, бросить вместе с той же волной и разбить об острые береговые камни. Ни одна самая крепкая обшивка лодки не выдержит встречи с такими камнями, и люди, знающие местное море и его норы не понаслышке, были прекрасно осведомлены о такой опасности. Вопрос стоял только в том, успеют ли драккары добраться до пролива раньше шторма и успеют ли пройти его, потому что пролив от шторма закрыт мало, и там положение не менее опасное. А если драккары успеют – чего от неведомых пришельцев ждать? Это тоже был немаловажный для местных бондов вопрос. Им было откуда ждать неприятностей.

Несколько человек стояли на высоком утесе, не зная, угроза приближается к их фьорду или добыча идет к жаждущему добычи. Если драккары и успеют пройти пролив до первого шквала, то неизвестно еще, что и кого несут они за своими гибкими ясеневыми бортами? Угроза, как знали все, могла прийти только со стороны Дома ярла Ингьяльда, а драккары как раз и двигались со стороны большого фьорда Ингьяльда, в который ярл приказал не пускать рыбаков, когда построил на берегу свой дом. Вернее, он приказал не пускать во фьорд только тех рыбаков, которые отказались признавать его власть и не захотели отдавать ему десятую часть своего улова, потому что много лет до этого они никакой власти над собой не знали и не имели желания знать ее впредь. Оказалось так, что вообще никто из рыбаков не стал заходить в этот фьорд, потому что десятую часть улова отдавать ярлу не захотел никто. Просто из гордости и от уважения к себе, да и из-за упрямства, без которого, известно, настоящего мореплавателя не бывает. Но другого такого большого и удобного фьорда, где рыбаки и охотники на морского зверя могли бы вместе собираться на промысел, поблизости не было. Единственное приемлемое место – фьорд, на берегу которого стоял вик Торстейна Китобоя. Но тот фьорд был размерами невелик, и все лодки, участвующие в общих выходах в море, там не помещались. И потому рыбакам и промысловикам приходилось разбиваться на отдельные части, занимая и несколько совсем мелких и неудобных, опасных в ненастье фьордов. Но Ингьяльд тоже не дремал. Раз начав притеснение бондов, он уже не желал останавливаться и объявил еще два мелких фьорда своим владением. И даже выставил в проливе стражу, чтобы рыбаки этими местами не пользовались. Более того, он объявил своим владением и фьорд Торстейна, но Торстейн Китобой со своими людьми присланную стражу встретил мечами и рыбацкими баграми, заменяющими им копья. Часть стражников перебили, нескольких отпустили, чтобы смогли рассказать ярлу, как обстоят дела. А потом, собрав народ с округи, Китобой бросил призыв, и войско бондов во главе с Торстейном двинулось к самому Дому Ингьяльда, чтобы навсегда отбить у того охоту притеснять свободных людей. Но под стенами своей цитадели ярл основательно потрепал плохо вооруженное войско бондов. Пришлось отступить ни с чем, но с тех пор уже на протяжении нескольких лет между ярлом Ингьяльдом и его людьми с одной стороны и Торстейном Китобоем с окружными бондами с другой идет вялотекущая война.

Ярл Ингьяльд имел средства на содержание дружины. Подумали о такой дружине и бонды. Рыбаки и зверобой решили, что десятую часть добычи отдавать ярлу для свободных людей позорно, но отдавать эту десятину наемным берсеркам – это вполне допустимый вариант. И наняли себе охрану из селений внутренней Норвегии. Впрочем, большого преимущества это им не принесло, потому что ярл тоже подтянул в свой Дом подкрепления из других имений. Таким образом, пока соблюдалось равновесие сил, и никто не мог это равновесие

существенно нарушить, хотя стычки происходили часто, и обе стороны несли потери, временами даже существенные. Однако победа в стычках не давала возможности сторонам добиться общей победы. Война стала носить перманентный характер, и конца ей видно не было...

Потому было понятно, с какими чувствами жители вика всматривались в приближающиеся к их фьорду драккары. И на всякий случай приготовились к бою. Причем Китобой как человек разумный ситуацию стал рассматривать как боевую и угрожающую. В результате чего сразу же при известии о приближении чужих лодок выслал разведчиков и заслоны в противоположную сторону, ожидая, что ярл Ингьяльд, если он желает нанести удар с моря, обязательно пожелает закрепить успех ударом с суши. Сам Китобой поступил бы только таким образом, а иначе не стоило и лодками рисковать, проскакивая через узкий пролив между рифами и прибрежными скалами прямо накануне шторма, поскольку одиночный подобный удар рыбаки смогли бы отразить без особых проблем. Впрочем, все зависело от количества людей в лодках, опытности воинов, авторитета и таланта предводителя. Но угроза выглядела реальной.

При таких ожиданиях никто из наблюдателей не желал добра трем драккарам и их командам, попавшим в опасное положение. Если бы шторм все же настиг незваных гостей, местные бонды были бы только рады такому исходу, потому что это означало бы конец опасениям. От ярла Ингьяльда, славящегося своим упрямством и необычным, непривычным для других образом мышления, можно было ждать такой хитрости. Он мог выслать эти драккары прямо накануне шторма, когда никто не ждет нападения. С другой стороны, как знал каждый в рыбацкой деревне, драккары могли приплыть и из океана. Тогда они должны были бы миновать проход через рифы как раз неподалеку от фьорда Ингьяльда, там, где лодки самих рыбаков и морских охотников выходят на промысел. Но точно сказать, откуда плывут гости, не брался никто, поскольку посты наблюдения стояли не слишком высоко и дальние горизонты не просматривали.

Оставалось только ждать, но и ждать оставалось уже совсем недолго, потому что стихия никого не ждала и никому не давала передышки, и даже наоборот, стремилась постоянно нагнать уставших или зазевавшихся моряков и заглотить их.

Наблюдатели ждали. Ждали и прибытия драккаров, ждали и яростной штормовой атаки на эти драккары. И совсем не поняли, что на драккарах произошло и по какой причине вдруг гребцы убрали весла за борт, а мачтовые подтянули к реям паруса. Такой маневр был равнозначен страстному желанию погибнуть, но такое желание редко может возникнуть одновременно у команд целых трех лодок, если вообще может возникнуть у воинов, привыкших дорого продавать свою жизнь. Они умели умереть со славой, но всегда старались добиться победы, и море считали точно таким же противником, как и человека.

А тут – лодки встали, словно решили дожидаться шторма на месте. Правда, остановка была непродолжительной. К удивлению наблюдателей, у их родного берега, где они, казалось бы, все прекрасно знали и могли плавать с закрытыми глазами, вдруг откуда-то появилось мощное и сильное течение, которое подхватило пришлые драккары и понесло ничуть не медленнее, чем только что они плыли под парусом и с веслами. Это выглядело даже более чем странно. А течение направляло узкие лодки напрямик к проливу, и удивления было достойно то, что кормчие за свои тяжелые весла тоже не брались, однако лодки при этом шли точно и выверенно, вовремя и быстро совершая все необходимые маневры.

Теперь уже сверху, с утеса, хорошо было видно, что шторм оказался проворнее человеческих рук и проворнее течения, и он должен настичь мореплавателей в первой, еще самой прямой части пролива, что было более опасным, чем попасть под первый удар волны на более открытом пространстве.

Так и получилось...

Драккары только-только повернули, и замыкающий подставил ветру свою хвостатую золоченую корму, как на берег и на пролив уже обрушился первый штормовой шквал. Первый

шквал в полуночных морях – это еще не сам шторм, сам шторм всегда бывает хаотичным и почти бессистемным, а первый шквал можно определить как удар, который лишает человека способности к сопротивлению, чтобы отдать его потом на растерзание другим, следом идущим волнам. Где-то в открытом море, вдали от берега, такой удар выдержать можно, и можно дальше шторму сопротивляться с обычным для моряков упорством. Но рядом с берегом он опасен тем, что драккар швыряет, лишая управления, на скалы и разбивает. А потом все, что останется, откатывающаяся волна унесет уже в настоящий шторм под новые удары. В проливе же, где на спокойной-то воде двум драккарам можно разминуться, только подняв с ближних бортов весла, положение еще опаснее, там во время шквала возможности для маневра нет никакой вообще. Если ветер идет сбоку, шквал сразу разобьет лодки о скалы, если ветер идет с кормы, то шквал протолкнет легкие суденышки до ближайшего крутого поворота и разобьет на многие осколки и ощепки уже там. И людей об острые камни, с силой бросив на них, переломает и уничтожит своей страшной массой, сопротивляться которой слабые человеческие тела не в состоянии...

Драккары были обречены, считали наблюдатели на утесе, но, живя в постоянной угрозе от соседа и закалив свои чувства в борьбе с суровой стихией, никто из них жалости и сочувствия не высказал. Эти рыбаки и зверобои не умели жалеть не только чужаков, но даже своих. И потому Торольф Одноглазый считал их лучшими солдатами для своих сотен.

Однако, к удивлению рыбаков, шквальная волна, чуть не разрушая каменные берега, обрушилась на сушу страшным порывом, но почему-то даже не покачнула три шатких лодки, позволив им спокойно плыть без весел и парусов в выбранном направлении...

Это было откровенным чудом...

И непонятно было, кто такое чудо сотворил. По крайней мере, точно уж не ярл Ингьяльд. Имей он такие способности, он давно бы расправился с рыбаками...

* * *

Только после того, как неведомая сила, что несла по воде все три драккара, далеко вытолкнула их лодку на береговой песок, ярл Торольф Одноглазый обрел некоторое спокойствие и почувствовал, что снова может говорить. А до этого в горле стоял жесткий ком, мешающий языку шевелиться.

– Что скажешь, Нильс? – обратился ярл к своему кормчему даже с какими-то нотками торжественного превосходства, словно Красный Нильс не верил в удачу, а сам Одноглазый ни мгновения не сомневался, что все завершится благополучно.

– Скажу только одно... Я не хотел бы быть тем человеком, что вызовет раздражение колдуна Гунналуга.

– В этом ты прав. Эй, там... Быстро! Тащить лодку глубже на берег.

Слова ярла относились к замершим в непонимании гребцам. Те сразу вспомнили свои обычные обязанности, и, хотя были ошарашены происшествием и слегка растеряны, стремительно повыскакивали на берег. Тут же и веревки достали и закрепили их, и команда впряглась в обычную свою работу. В шторм или перед штормом драккары всегда оттащивали по песку подальше от воды, чтобы долгой откатной волной не унесло их обратно в воду. А следующая волна уже набегала со стороны пролива. Шторм доставал и фьорд, и до многочисленных здесь небольших рыбацких лодок пытался добраться, чтобы привычно пожрать их. Но лодки не желали быть лакомством стихии, они были заблаговременно вытащены рыбаками еще дальше драккаров, и это дало возможность драккарам найти себе свободное место.

Одна опасность миновала, но, как это часто бывает, сразу же пришла следующая. Однако со следующей моряки бороться умели лучше, чем со штормом. Чуть выше по берегу, где открывался среди скал выход с песчаного пляжа в сторону берегового вика Торстейна Кито-

боя, уже выстроилось, перегораживая проход, неплохо вооруженное местное войско. Должно быть, уроки войны с ярлом Ингьяльдом не прошли даром. Китобой вооружил своих людей и чему-то научил.

Одноглазый ярл дал команду, и моряки с драккаров быстро вернулись на борт. И только после этого на мачте каждого, пусть и с заметным опозданием, был выставлен белый щит. Это, впрочем, не вселило уверенности и не принесло спокойствия Китобой и его людям, и строй не разомкнулся и проход не открыл, хотя вперед тоже ни на шаг не продвинулся. Должно быть, воинственные рыбаки и звероловы желали переговоров и хотя бы короткого выяснения отношений.

– Трап... – скомандовал Торольф.

Трап, которым сами моряки не пользовались, был тотчас же опущен с носа на песок, и ярл в одиночестве двинулся в сторону береговой охраны, ничуть не опасаясь за свою безопасность, хотя перед выходом и посмотрел в сторону кормы, где за пологом, не выходя на свежий воздух, так и сидел колдун Гунналуг. Торольф надеялся, что Гунналуг, как обычно, не глядя, все видит и позаботится о том, чтобы ему не нанесли удар в спину. Да и вообще такого удара ожидать не приходилось, потому что он был не в традициях береговых жителей.

До строя защитников вика оставалось около десяти шагов, когда строй разомкнулся, создавая коридор, словно приглашая ярла пройти и проверяя его намерения. Человек с дурными намерениями не захочет отсекал себя от своих людей. И только тот, кому бояться нечего, может смело двинуться вперед. Торольф Одноглазый не показал сомнения. Он как шел раньше, так и меж воинов двинулся, ничуть не замедляя и не ускоряя шаг. Такие ситуации опытный ярл умел читать и хорошо в них ориентировался. И одновременно, будучи опытным военным вождем, Одноглазый сразу определил силы, которыми располагали рыбаки. У них было никак не меньше ста двадцати человек вместе с теми пятью десятками, что стояли в стороне отдельной группой, не соблюдая строя. По голым торсам, никогда не чесаным бородам и по вооружению – по мечу в каждой руке, Торольф сразу определил берсерков, которыми славились местные материковые земли. Значит, информация у ярла была верная – Торстейн Китобой нанял берсерков, чтобы они охраняли вик в то время, когда сами рыбаки уходили в море на промысел. Имея такого беспокойного и ненадежного соседа, как ярл Ингьяльд, это было разумное действие.

Торольф прошел через строй и увидел человека средних лет, высокого и жилистого, с умными и глубокими серыми, как полуночное море, глазами, что ждал его приближения. Нетрудно было догадаться, что это и есть Торстейн Китобой. За спиной Китобоя стояли два дряхлых старика, создавая представительство переговорам, которые должны были состояться. Присутствие на переговорах старейшин – дело обычное, хотя и не вполне необходимое, потому что решение все равно будет принимать сам Торстейн.

Торольф остановился в двух шагах от Китобоя, с любопытством его разглядывая и не начиная разговор первым. Так велел его ранг, и ярл старался поддерживать субординацию сразу, чтобы не восстанавливать ее потом, если переговоры завершатся успешно.

– Мы рады приветствовать на своем берегу гостей, – сказал наконец Китобой, – хотя, признаюсь, никого не ждали в такую погоду...

Погода сама ответила Торстейну репликой. Штормовой ветер, трепавший его длинные волосы, принес холодный, почти ледяной дождь, капли которого сразу покатались по лицам встречающих, но не намочили лица ярла, поскольку ему дождь тугими струями бил только в прикрытую плащом спину и в прикрытый шлемом затылок.

– Я вижу, что вы народ весьма гостеприимный... – высказал Торольф укор. – Но я знаю также, что у вас есть основания так себя вести. Представлюсь... Я – ярл Торольф, иногда меня еще зовут Торольфом Одноглазым, и, наверное, не стоит объяснять, откуда такое прозвище, – он провел пальцами по шраму, пересекающему лицо и то, что было когда-то его вторым глазом.

– Я рад приветствовать на нашей земле прославленного воина, – довольно сухо сказал Торстейн. – Шторм заставил тебя искать убежище в нашем фьорде?

– Нет, – напрямую ответил Одноглазый. – Я плыл сюда целенаправленно, чтобы встретиться с Торстейном Китобоем.

– Это я, – ответил Торстейн. – Но с моей стороны невежливо принимать гостя, который прибыл специально ко мне, на улице да еще под дождем. Пройдем в дом...

Торольф согласно кивнул и шагнул вперед, не дожидаясь, когда развернется Китобой.

Дом Торстейна ничем не отличался от других домов – углубленных в землю сооружений, покрытых двухскатной крышей, заложенной дерном. Стены были выложены из необтесанных, только слегка подрубленных камней, поскольку строительные деревья в этой местности почти не росли и были дорогим удовольствием, а вот на сооружение крыши пришлось все же деревянные жерди использовать. Внутри было дымно, и дышалось с трудом, но Торольф давно привык, что его соотечественники, если они не ярлы или просто не слишком богатые люди, в большинстве своем живут именно так, в суровой простоте и без затей. Устроились рядом с очагом, над которым на цепи, держащей металлический крюк, висел большой котел, а в котле варилась обычная для всех береговых скандинавов рыбная похлебка.

Хозяин уселся прямо на козью шкуру, брошенную на земляной пол, уступив гостю более высокое сиденье – еловую колоду. Другой колоды в доме не было, таким образом Торстейн показал повышенное гостеприимство, которое ярл не мог не отметить, хотя радушие в голосе хозяина тоже не слышал. Старики из свиты Китобоя остановились у порога и садиться не пожелали.

– Я готов выслушать тебя, ярл, – просто сказал Китобой.

– Я прибыл к тебе с деловым предложением, – Торольф выдержал паузу, подчеркивая важность сказанного.

Но паузу не выдержал Торстейн.

– Я же сказал, что слушаю...

– Твое положение и твое противостояние с ярлом Ингьяльдом... Как ты думаешь, когда оно может закончиться?

– Когда на то будет воля Одина, – просто ответил Китобой и не стал вдаваться в подробности, не стал объяснять существо вещей, которое гость и без того, кажется, знал. – Я одного понять не могу, какое ко всему этому имеешь отношение ты, ярл...

– Самое прямое...

– Не понимаю...

– Ты знаешь, наверное, что конунг Норвегии Кьотви нашел себе достойное место среди костров Вальгаллы?

– Конечно. И даже знаю, что ты один из претендентов на его место. Хотя, скажу честно, мне думается, что место это должно принадлежать Ансару, сыну Кьотви.

– Ты знаком с Ансаром? – словно бы с каким-то сожалением спросил Одноглазый.

– Нет, нам не доводилось встречаться. Я за всю свою жизнь в других районах Норвегии бывал всего несколько раз, и Ансар на моем пути не вставал.

– Мальчишка полукровка, по матери хитрый и коварный грек, умеющий, несмотря на возраст, плести интриги и претендовать на то, чего недостойн, но не способный повести за собой воинов. Иначе я сейчас не сидел бы против тебя, а давно уже кормил бы червей в земле. С его правлением Норвегия станет частью Швеции, и только. Наши соседи будут только рады такому конунгу, что не может постоять за свой народ.

– Может быть, дело обстоит и так, – вздохнул Китобой. – Я не в курсе тех событий, мне бы со своими разобраться. А это тоже не просто.

По виду хозяина Торольф сразу понял, что задел больную струну. Он лучше других знал, что главный враг и притеснитель того поддерживает с соседями тесные отношения. Следовательно, сам Торстейн симпатизировать шведам не мог.

– Вот потому я к тебе и приплыл.

– Я опять не понимаю.

– Я приплыл к тебе, чтобы помочь тебе и твоим людям разобраться с вашими событиями. Теперь понятно?

Китобой ответил сразу, без раздумий. Это означало, что у него быстрый ум, что Торольф умел ценить в других людях.

– Теперь еще менее понятно, чем раньше. Ты хочешь вмешаться в наши разборки с ярлом Ингьяльдом? Зачем? С какой целью?

– А почему бы и нет? Могу я оказать помощь какой-то из сторон?

Это прозвучало намеком – откажешься от помощи ты, не откажется твой противник...

– Можешь. Только я хотел бы знать, какой именно стороне ты желаешь помочь?

– Если бы я намеревался помочь старому ярлу Ингьяльду, то, наверное, высадился бы сразу в его фьорде.

– Допустим, ты намереваешься нам помочь. Вопрос только в том, зачем тебе самому это нужно? Ты уж извини меня, ярл, за прямоту, но мы народ простой и прямой, и я тебе откровенно скажу, что слухи о тебе ходят по нашей земле не самые лучшие. И о тебе, и о твоём сыне Снорри Великане.

– Мой сын недавно предстал пред Одином.

– Извини, я не знал этого. Пусть будет жарким его костер в Вальгалле.

– Но разговор о другом. Что говорят обо мне плохого?

– Если сказать мягко... Поговаривают, что ты не из тех, кто помогает другому по доброте душевной. И потому мне трудно тебя понять.

– Люди говорят правильно, – согласился Торольф Одноглазый. – Я обычно долго думаю, прежде чем что-то совершить. И забочусь о том, чтобы мое предприятие было удачным со всех сторон. В том числе и со стороны выгоды.

– И что ты надумал в этот раз?

– В этот раз я предлагаю помощь той стороне, которая согласится помочь впоследствии мне. Помочь на выборах конунга.

– А ярл Ингьяльд кого собирается поддерживать на выборах?

– Этого мне пока не дано знать, поскольку мы ни разу в жизни с Ингьяльдом не встречались, – не стал Одноглазый раскрывать все карты. – Он живет отдельно от норвежской жизни и больше интересуется шведскими делами, которые норвежского ярла вообще-то касаться не должны. И, я думаю, он выбрал бы конунгом того, кто будет больше удобен шведам. Но решать за ярла я не могу, и потому не буду утверждать это твердо. Короче, я решил начать с вас и предложить вам свою помощь.

– Пусть так, – согласился китобой. – Но в чем должна выражаться наша помощь? Тебе нужны голоса наших выборщиков на общем собрании? Туда от нас поедет только один человек. И едва ли единичный голос может что-то решить.

– Мне нужна поддержка военной силой, – сказал ярл напрямую. – Я помогаю вам военной силой, взамен вы точно таким же образом помогаете мне. Союз двух воинских сил – это уже не одна-единственная сила. Союз всегда бывает выгоден всем сторонам, в него входящим.

– Ты собрался воевать?

– Если придется, то я буду вынужден воевать. А это, скорее всего, произойдет, выберут меня или не выберут. Я намереваюсь стать конунгом и стану им. Конечно, сторона, которая поддерживает потерявшего символ власти Ансгара...

– Какой символ власти? – невежливо перебил Китобой.

– Меч Ренгвальда. Его нет у Ансгара, и потому многие ярлы и бонды не желают его признавать. И я в том числе. Я не пожелал бы его признать даже с этим мечом в руке. А без меча и подавно. Так вот, я и говорю, если меня выберут конунгом, сторона Ансгара попытается свергнуть меня силой, и будет война. Если выберут все-таки Ансгара или кого-то другого из ярлов, войну вынужден буду начать я, иначе Ансар или кто-то другой просто постараются меня уничтожить как главного конкурента. Выбора у меня нет, если уж начал это дело, и потому мне необходимо иметь сильное войско. И я набираю туда людей. Хотя бы на короткое время. На самый решающий период. Именно с этим я и прибыл в ваш вик. Прибыл, чтобы начать воевать здесь. Хоть против тебя, хоть против ярла, это не имеет для меня принципиального значения. Но первым предложение получил ты. Тебе и решать. Тем более что сейчас такое время года, что рыбная ловля уже закончилась, а промысел зверя начнется только весной. Зимой вам все равно делать нечего. Отчего же не решить все свои проблемы. Все проблемы на многие годы вперед.

В это время качнулся и отодвинулся полог у входа в дом. Дверь здесь, видимо, ставили только на зиму, а летом заменяли дверь простым парусиновым пологом. И, поскольку холода еще не подошли вплотную, дверь навешивать никто не поторопился. Без нее легче было выйти наружу дыму.

– Что ты хочешь? – спросил Торстейн человека, заглянувшего в сумрак дома, но сразу ничего не увидевшего.

– Один воин с драккара хочет пройти сюда с сообщением для своего ярла.

– Пусть войдет... – потребовал Торольф.

– Пропустите его, – согласился Китобой, наглядно показывая, что разрешение здесь дает только он, и только после его согласия человек удалился и вернулся через минуту, чтобы запустить кормчего Красного Нильса.

– Что случилось? – спросил Одноглазый.

– Гунналуг просил найти тебя и сказать.

Торольф приблизился к кормчему вплотную, и тот шепнул на ухо:

– Прилетела очередная птица. Гунналуг говорит, что его люди захватили в плен спасшегося после боя ярла Фраварада и плывут с ним к тебе. Судно должно пойти в Швецию, а оттуда пленника отправят с конным отрядом.

– Хорошая весть. Что-то еще?

– Фраварад говорит, что Ансар утонул вместе с мечом.

– Эта весть еще лучше. Гунналуг нашел его в Вальгалле?

– В том-то и дело, что Ансгара нет ни в Вальгалле, ни в хели. И это колдуна беспокоит. Он предполагает, что Ансар сейчас в другом месте и движется в направлении дома.

– Ладно. Скажи колдуну, чтобы копил силы. Скоро они, кажется, очень понадобятся.

Красный Нильс ушел, качнув косичками в бороде, а ярл Торольф повернулся к своему привставшему собеседнику и сел на свою колоду.

– Я слышал имя Гунналуга... – сказал настороженный Торстейн Китобой.

– Ты не ослышался.

– Он с тобой?

– Да. Он в моей команде. Помогает в благодарность за услугу, которую я ему оказал.

– Колдун...

– Да.

– Он в самом деле что-то может? Или такой же шарлатан, как колдуны с ярмарки? Наш здешний колдун тоже иногда может что-то. В основном погоду предсказывает. Время от времени у него это получается. На моей памяти он несколько раз посылал в наши сети хорошую рыбу. А как Гунналуг?

– Гунналуг рыбой не занимается. Ты видел, как мы входили в твой фьорд?

– Видел. И мои люди видели. Я как раз собирался спросить тебя об этом странном деле. Так это колдун? Это он провел лодки и укротил волну?

– Он вел лодки своей мыслью, без помощи весел и паруса. И волну укротил. Моряки могут ошибиться, особенно в незнакомом месте. Колдун никогда не ошибается. А сутки назад выставил мысленную стенку шторму, и мы плыли по спокойной воде, а шторм бушевал в пятидесяти локтях от нас. А до этого просто выбросил из времени двое суток, чтобы мы не опоздали по своим делам, и мы оказались вдруг там, куда еще было плыть и плыть. А еще до этого он мыслью сжег острог русов в Бьярмии. А раньше... А раньше было еще много того, что не умеет ни один колдун на свете. А он умеет...

– У тебя сильная команда, – заметно подсевшим голосом согласился Китобой. – Но я не задал тебе главный для меня вопрос. Чего ты хочешь от нас взамен своей помощи? Ты хочешь, чтобы мы воевали за тебя?

– Именно так... Хотя бы на первых порах. Мне показалось, я сказал это ясно. Пока вам позволяет время.

Китобой думал долго. Наконец ответил, старательно, как заметил Торольф, подбирая слова, чтобы не обидеть ненароком ярла, на стороне которого такой сильный колдун, как Гунналуг:

– Я не могу тебе ничего обещать так вот, сразу. Я должен посоветоваться со своими людьми. Я не ярл, чтобы люди пошли за мной только по моему приказу. Я лишь глава клана, и все свои действия согласовываю со своими людьми. Ты дашь нам время на раздумья?

– Как долго вы собираетесь думать?

Торольф откровенно торопился и задал вопрос недовольным тоном. Он ожидал, что Китобой более влиятельный человек и в состоянии все решать самостоятельно. Впрочем, это, может быть, даже лучше. Самому Торольфу будет легче взять власть над его людьми.

– Твоя команда не успеет сварить похлебку, когда я приду с ответом, каким бы он ни был.

– Я жду, – Торольф встал, показывая, что первичный разговор окончен. – Но ты напомни своим людям, что мы с одинаковым успехом можем обратиться со своим предложением к ярлу Ингьяльду, как и к вам. Может быть, тот сумеет лучше оценить способности Гунналуга, если вас не заинтересует наше предложение. Я думаю, что Ингьяльд наверняка оценил бы их выше и не стал бы думать излишне долго. Гунналуг обидчив, и даже я стараюсь быть с ним предельно осторожным. А мне он во многом обязан своим могуществом. Именно я дал ему то, что ему не хватало, потому что сам пользоваться этим не умею. Иначе я сам мог бы обрести его могущество.

– Я слышал, что ты сказал. Но мы можем оставить свои дома только в том случае, если ярл Ингьяльд уже не сможет угрожать им. Это ты понимаешь?

– Конечно. И потому тороплюсь. Я буду ждать твоего ответа на своем драккаре...

Глава 2

Привычному к узким и длинным драккарам, подверженным только боковой качке, которая при большой скорости движения лодок, особенно при движении по реке, была не слишком и заметна за счет гибкости ясеневых досок, из которых делались борта, Ансгару плыть на, казалось бы, валких и внешне слегка неуклюжих ладьях показалось сначала даже странным. Он и раньше думал, что на ладье плавать все равно что в большом тазу под парусом. Слишком уж заметно было одновременное раскачивание и боковое, и по длине, слишком чувствительной была ладья к любой волне, попадающей под широкий нос, даже к той, казалось, которую она догоняла. Тем не менее юный конунг быстро убедился, что в быстроте хода ладья за счет более широкого паруса¹ превосходит любой равновесельный драккар, и превосходит его маневренностью, что при движении по реке, где было множество поворотов русла, оказалось немаловажным качеством. Там, где драккару для выравнивания курса требовалось два одновременных гребка с одной стороны с одновременным торможением веслами с другой, ладье хватало только торможения с одной стороны, и курс уже выравнивался, позволяя идти дальше почти на той же скорости, что и прежде. А уж про удобство лодки, имеющей палубу и трюм, и говорить не приходилось.

Ансгар, в отличие от своих друзей из сотни Овсеня, успел за остаток ночи почти выспаться, тогда как они грузили на ладьи сначала лошадей и лосей, что оказалось делом не самым простым, особенно это касалось лосей, которые вообще не любят замкнутые пространства, и только потом, уже перед самым рассветом, грузились сами.

Последним покинул причал и взошел на борт сотник Овсень, дожидавшийся, когда загрузят несколько больших корзин с дровками для стрел и тяжеленную, едва не разваливавшуюся корзину с наконечниками, которую с большой натугой тащило четыре человека. Овсень желал сам убедиться, что никто не забыт и все, что следовало погрузить, погружено. Одновременно с Овсением по широкому ладейному трапу, втрое превышающему ширину привычного Ансгару трапа драккара, прошел в лодку и тот маленький нелюдь, что был при сотнике в первую встречу в большой горнице дома воеводы Вихорко. Это странное существо тащило на плечах мешок размером чуть не больше его самого, набитый чем-то непонятным.

К концу погрузки Ансгар как раз проснулся и вышел на палубу, для чего ему пришлось протиснуться между лошадьми и лосями, спокойно и привычно соседствующими рядом. Маленький нелюдь, стряхивая что-то с бороды, устроился как раз рядом с тем местом, где стоял на палубе конунг, и поудобнее укладывал свой объемный мешок под голову.

– А тебя здесь волной не смоеет? – поинтересовался Ансгар. – К вечеру уже в Ильмень-море выйдем. Волны в море большущими бывают. Поберегся бы...

– А может и смыть? – тонким, словно детским, но одновременно и почти старческим голосом поинтересовался нелюдь. И смотрел при этом на конунга невинными мигающими глазами. Нелюдь выглядел смешной игрушкой, но странно было представить себе сотника Овсеня, играющим в игрушки.

¹ Скандинавские драккары тоже имели широкие, далеко выходящие за корпус паруса. Но ширина паруса все равно ограничивалась необходимостью оставлять его управляемым. Славянская ладья по ширине превосходила драккар более чем вдвое, следовательно, могла позволить себе иметь и более широкий парус, не теряя при этом его управляемости. А наличие палубы давало возможность делать управляемым парус максимально допустимой ширины. Кроме того, на больших ладьях, в основном в славянских западных прибалтийских княжествах и на острове Руяне, ставили в дополнение и передний косой парус, который значительно увеличивал уже существующую скорость и давал возможность пользоваться ветром под разными углами. То есть увеличивалась маневренность, и для маневра не требовалось использовать весла, хотя и весла при необходимости могли быть помощниками парусу.

И тут же, не дождавшись ответа конунга и всерьез приняв предупреждение, домовушка решил вместе со своим объемным мешком побыстрее перебраться в глубину трюма под палубу, куда волна не должна была достать.

– Извеча у нас легкий, его может смыть... – заметил, подходя, и сам сотник.

– Зачем ты его с собой берешь? – с легким осуждением спросил юный конунг. – Какая может быть польза в нашем деле от такого малыша.

– Польза не польза, а не бросать же его, – ответил Овсень. – Без меня его обидит кто угодно, пропадет домовушка... Он добрый и на меня полагается... А делать только то, из чего можешь пользу извлечь – это как-то и не по-людски...

Ансгар пожал плечами. Только из доброты тащить с собой в опасное место того, кто сам себя защитить не сможет, но кого, возможно, придется лишний раз защищать, – это было выше его понимания. Конунга с детства учили быть рациональным, и потому ему трудно было правильно оценить славянскую натуру, в угоду которой люди с непонятным удовольствием мирятся с неудобным и даже мешающим. Но спорить конунг не стал, понимая, что доказывать что-то сотнику сейчас бесполезно. Он просто не захочет понять, потому что это идет против его натуры.

Если на драккаре командовал всем ярл, которому принадлежал драккар, то на ладье командовал даже не сотник Овсень, старший среди воинов, а кормчий, который только что закончил пристраивать свое тяжелое весло и подошел к сотнику.

– Будем отплывать? Другие ладьи тоже готовы.

– Отплываем, Валдай. Если что-то нужно будет, спрашивай меня.

С кормчим Овсень общался подчеркнуто уважительно. Должно быть, у славян кормчие в почете, как сразу заметил Ансгар. Значит, и ему самому следует относиться к Валдаю с уважением. Впрочем, юный конунг слышал от кого-то, что славянские кормчие часто являются одновременно и хозяевами лодок. А хозяин лодки уже человек не простой.

– А что мне может быть нужно? – Валдай пожал плечами.

– Помощь гребцам выделить или еще что...

– Пока не нужно. Идем в двадцать весел. На реке больше не потребно. Десяток гребцов отдыхает. Если что, я их подниму.

– Тогда и я отдыхать отправлюсь, – предупредил сотник. – Ночь беспокойная была.

– Всем после ночной работы отдохнуть след, – согласился Валдай.

Себя ко всем он, видимо, не относил, потому что тут же взялся за весло, пробуя, как оно ходит в уключине. Хотя, когда погрузка только еще началась, кормчий ею командовал и говорил, как расставить лошадей и лосей, чтобы они не нарушали правильную посадку лодки. Лодка на плаву во многом ведет себя в зависимости от правильности уложения груза, это было дело известное. Когда погрузка закончилась, Валдай тоже остался на своем месте, проверяя такелаж выставленный и запасной. И глаз всю ночь не смыкал. Но у него работа такая.

Однако сразу отправиться тоже не удалось, потому что на причал прибежал запыхавшийся и закопченный помощник кузнеца Даляты и вызвал на борт сотника Овсеня с десятником стрельцов Велемиром и гнома Хаствита. Что-то тихо объяснял им, потом передал большой и, видимо, не слишком легкий сверток – что-то было завернуто в холстину и перевязано веревкой. Посылку унес сотник. И уже не выходил на палубу.

– По-о-ошли... – мощным рыком скомандовал кормчий Валдай.

Ладьи отошли от причала легко и слаженно, взяли одна от другой необходимую дистанцию и распустили паруса. Только чуть-чуть задержалась большая ладья с Руяна, которой требовалось выполнить разворот, но и этот маневр оказался несложным, и руяне быстро встали в общий строй. Скорость пришла сразу, а гребцы существенно увеличивали ее. Здесь не было того обязательного рывка, который сопутствует опусканию паруса на драккаре. Может быть, из-за ширины ладьи ветру трудно послать судно в скорый рывок, может быть, еще по какой-

то причине. Ансар некоторое время наблюдал за плаванием, потом подошел к веслу кормчего, чтобы посмотреть, как устроена уключина, которой на скандинавских драккарах не было. Там весло вставлялось в весельное окно в борту, и все. Этого, казалось, хватало. Здесь и само весло было другим, составленным из разных кусков дерева под прямыми углами, и уключина сложной. Но без уключины здесь обойтись было бы просто невозможно, потому что корма у ладьи прямая и высокая, а у драккара закругленная, симметричная носу и по форме, и по высоте. Здесь все было иначе. Верхний поперечный румпель располагался параллельно палубе и соединялся жестко с вертикальным своим продолжением, уходящим под воду, и крепился к ладье металлическими кольцами, которые и называли уключиной. А под водой кормовое весло, хотя здесь оно называлось не веслом, а просто правилом, снова изменялось и превращалось в большую плоскость. Из-за этой большой, в сравнении с кормовым веслом драккара, плоскости ладья была более управляемой. И легко входила в поворот. Требовалось только одно движение правила, чтобы изменить курс, тогда как кормчему на драккаре для этого необходимо было совершить несколько гребков.

Выслушав объяснения Валдая об устройстве правила, Ансар отошел в сторону. Но другого занятия юный конунг себе не нашел. И, видя, что и он на палубе никому сейчас не нужен, и даже некому из старых друзей поговорить с ним, потому что все спят, включая даже нелюдей Хлюпа и Хаствита, юный конунг позвал с собой черного Огнеглаза, только что поднявшегося из трюма, и тоже отправился отсыпаться за все последние беспокойные дни. Хотя раньше намеревался хотя бы посмотреть на то место, где произошло столкновение двух драккаров и где нашли себе подводную могилу пять десятков норвежцев и шведов. До этого места оставалось всего несколько поворотов реки. Но в последний момент Ансар решил, что лучше не бередить душу тяжелыми воспоминаниями. Да и показать это место некому. Тот же кормчий Валдай, услышав о морском сражении и о гибели людей, наверняка сказал бы, что всех бы дикарей стоило так утопить. Конунгу надоело слышать оскорбления в адрес своего народа, и он начинал уже чувствовать глубокую обиду от слова «дикарь»...

* * *

Проснулся юный конунг от тихого разговора. Голоса причального Хлюпа и сотниковского домовушки Извечи звучали едва слышно, старательно приглушаемые разговаривающими, да еще волна шелестела и шелестела под бортом за тонкой обшивкой, напевая какую-то свою монотонную песнь, тем не менее Ансар узнал их сразу.

– А у меня своего дома никогда и не было... – говорил Хлюп, очевидно, жалея себя. – За все двести с лишним лет. Всегда, где могу, пристраиваюсь. И сейчас тоже. Летом под причалом на мокром бревне сплю, зимой у Вакоры в сенях. Там, конечно, не сильно тепло, но я не мерзучий. На солому лягу, тулупчиком нос прикрою, надышу жарко, мне и хорошо...

– А что, хозяин в дом не зовет? – удивился Извеча, сам известный любитель печного тепла и не понимающий, как можно без печки жить.

– Звал, и даже за стол сажал, да там в доме своего домовушки нет, поговорить по душам не с кем, одна только кикимора по ночам достает – щекочется. Надоела до гнилой волны. И ушел я. Она мороза боится, в сени не выходит. Там я и отдыхаю. А днем на причал хожу, смотрю, когда лед сойдет, весны жду. Наше дело ведь такое, лед двинет, причал своротить может, потому и пригляд нужен. Где подколоть, где камушков на лед наложить, чтоб весной сразу продавило и сваи укрепило. Да мало ли забот... Я и приглядываю. Да рыбкой семью Вакоры снабжаю. Полынью пробью, позову рыбину и острой ее сверху.

– Позовешь? И как же ты ее зовешь? – удивился Извеча.

– Просто. По-рыбы. У рыб речных у всех язык один, все друг друга понимают. Вот она и думает, что другая рыба ее кличет, и плывет. А у рыбы-то глаз на спине нету, меня в полынью не видит. И прямо под острогу подплывает.

– А я всегда только дома жил, – то ли похвастался, то ли пожаловался Извеча. – Как только меня из бревна волхв вызвал, когда дядюшка Овсень дом построил, так сразу за печкой и поселился. Я тепло люблю, и потому всегда возле печки пристраиваюсь. Ну и хлопоты там всякие были. Хозяйке, чем мог, помогал, трубу чистил, за девчонками приглядывал. Хорошо, спокойно было. Если бы дикари не приплыли, так бы в покое и жил все свои века.

Ансгар зашевелился и этим шевелением прекратил разговор. Дожили люди до того, что нелюди их дикарями называют. Чего уж дальше ждать.

Слушать разговор нелюдей уже не хотелось, и Ансгар в легком раздражении встал, разбудив улегшуюся на его ноги собаку, готовую последовать за человеком туда, куда тот пойдет. На причального Хлюпа с домовушей Извечей конунг глянул в полумраке трюма сердито и увидел, что Извеча лежит, обняв короткой ручонкой волкодлачку, которая от пробуждения конунга глаз открыла и на него недобро покосилась. Не хватало еще, чтобы волкодлачка стала конунга дикарем считать, как все ее друзья. Впрочем, может быть, и считает, потому что одноплеменники конунга ее такой оставили. И вернется ли она в прежний образ – еще неизвестно.

Но удивляло то, что пес Огнеглаз так спокойно себя вел рядом с волкодлачкой. Наверное, привыкли они друг к другу, и Огнеглаз уже не старается при приближении волчицы в сторону уйти, как пытался вначале. Но вначале тот же самый нелюдь Хлюп от волкодлачки хотел на стол запрыгнуть. А теперь рядом лежит, и хоть бы что. И дварф Хаствит здесь же. Но тот, кажется, крепко спит. Хотя, может быть, тоже слушает разговор, но не может без языка принять в нем участие, потому и глаза не открывает. Да и слова Извечи о доме вызывают, должно быть, у дварфа мысли о собственном доме, в котором он много лет не был и в который скоро вернется. Каким будет это возвращение? Может ли Хаствит не думать об этом?..

Ансгар вспомнил и свой дом, и о своем возвращении подумал. Как-то там встретят его с мечом, но потерявшего родного дядю и всех его людей? Встретят-то, понятно, хорошо и с радостью. А что будет потом? Но об этом стоило подумать уже дома, исходя из местной обстановки.

Конунг услышал над головой, на палубе, тяжелые шаги. Наверное, сотник уже проснулся. Он на их ладье самый тяжелый, и только один так ходит. И Ансгар пошел к трапу. Огнеглаз, уже окончательно выбравший себе хозяина, поспешил за ним...

* * *

Оказалось, юный конунг, убаюканный непривычной для него мягкой качкой ладьи, проспал до глубокого вечера. Красный солнечный диск садился в плотные облака над верхушками прибрежных елей. Скоро река должна была погрузиться в вечерний мрак, который часто бывает более густым, чем ночной, разбавляемый светом луны, но вставать на стоянку кормчий, похоже, не собирался, хотя, кажется, время уже торопило. Да и на идущих следом трех ладьях тоже не заметно было приготовлений к стоянке, хотя песочный берег позволял, как показалось конунгу, остановиться здесь с удобством и вытащить ладьи далеко на песок. Такой берег не везде встретишь, а если встретился, следует пользоваться местом. Но у Валдая были, видимо, другие соображения.

Покачиваясь вместе с палубой, Ансгар подошел к сотнику Овсеню, выбравшему себе место на широком носу ладьи рядом с задумчивым шаманом Смеяном, который никогда еще не путешествовал так далеко и вообще не покидал раньше родные края, хотя был по крови кочевником. Однако кочевники тоже кочуют только в определенной местности, не удаляясь от привычных мест обитания. Сотник же, в отличие от шамана, выглядел энергичным и привыч-

ным к перемене мест человеком, неотрывно смотрел вперед, словно таким образом торопил события и приближал далекий берег, к которому они плыли, взглядом.

– Выспался? – не оборачиваясь, просто, похоже, узнав Ансгара по поступи, спросил сотник буднично. – И хорошо, что выспался. Без сна здоровья не бывает.

– На три дня вперед, – пошутил конунг. – Теперь днем спать не буду, только ночью...

– Тоже хорошо. А меня, вот напасть какая, и сон совсем не берет. Старался, как мог, себя измучил, бока отлежал, а уснуть не могу. Даже Смеян вон желает меня сон-травой напоить, наверное, чтобы потом спал на ходу. Да вот на закате, старики говорят, засыпать нельзя – не проснешься потом². Подожду уж до ночи.

– Ночь скоро, – согласился Ансар. – А мы что, и ночью плыть намерены? Не опасно?

– Мы из реки вышли. Теперь в протоках плывем. Через два поворота войдем в Ильмень-море, острова прибрежные минем, а там уже в любую сторону без опаски плыви. Больших мелей здесь не водится. Камней тоже – борта пробить на чистой воде нечем.

– Уже выходим? – удивился Ансар скороходности славянских ладей. – Быстро добрались.

– Веслам ветер помогает, что ж не добраться от света до света. Ловать река не длинная.

– А Полисть? На Русу поворот?..

Чтобы попасть в Русу, главный город племени русов-варягов, следовало поворачивать и плыть против течения по реке Полисть, как по дороге, богами проложенной. Основные торговые пути за вываренной варягами солью именно туда и вели, и более мелкая Полисть была даже более судоходной рекой, чем старшая и более широкая Ловать. Но и по Ловати тоже шло немало судов. И в городище Огненной Собаки, и дальше, в другие городища, и еще дальше, на волоки, чтобы потом перебраться уже в другую реку и плыть не против, а по течению.

– Это ты, конунг, проспал. Полисть проплыли давно. Мы уже и Взводовский сторожевой острог минули, – сотник погладил крупную и красивую голову Огнеглаза. – Пса ты с собой, похоже, насовсем забрал?

– Он сам за мной пошел. Как с первого дня, когда спас меня, пошел, так и не отстает. Признал, видно, во мне хозяина. Или себя моим хозяином признал – не пойму. На ладью я его специально не звал. Сам пришел. Но он, говорят, бесхозный.

– Это хорошая собака, – сказал Овсень и в знак особого уважения почесал Огнеглаза еще и за ухом. Пес был счастлив вниманием, улыбался, свесив язык на плечо, и подставлял умную голову под руку. – И без причины ни на кого не бросится, и в трудную минуту защитой станет. Хоть от зверя, хоть от человека. Эти собаки людей любят. А теперь вот и хозяина имеет. Собака всегда должна кого-то любить, иначе одичает. Все у собак, как у людей. И людям любовь нужна. Люди, если никого не любят, кроме самих себя, тоже становятся... М-м-м...

Сотник не произнес слово «дикарями», но подразумевал, похоже, именно его.

– Тоже дичают, – завершил он все-таки фразу после паузы.

Ансгар деликатность Овсеня в произнесении конкретных слов оценил, но невольно подумал о том, как относятся к любви в его стране. Он знал, что конунг Кьотви свою невесту увидел только на свадебной церемонии. Была ли любовь между отцом и матерью? Юноше трудно было ответить на этот вопрос, поскольку они никак не показывали свои отношения посторонним. Но даже если не было, назвать своих родителей одичавшими он бы не рискнул.

² Старинное славянское поверье: нельзя засыпать тогда, когда засыпает солнце, иначе можешь не проснуться никогда. Ложиться следовало только после заката.

* * *

Приближался поворот реки. Сбоку в Ловать впадала другая речка, но, как помнил конунг, по пути в городище Огненной Собаки таких впадающих рек и речушек было множество, особенно в непосредственной близости от Ильмень-моря, где трудно разобрать, по самой ли реке плывешь или по одной из протоков. Так и оказалось, за поворотом в Ловать впадала уже другая речушка. Чуть дальше третья... Но в этом месте русло основной реки все же просматривалось хорошо, и ошибиться было невозможно. До следующего поворота плыть было совсем немного, а за ним, как сказал сотник Овсень, должно уже было открыться Ильмень-море. И не хотелось уходить с палубы, чтобы не прозевать момент выхода туда.

Момент встречи с широкой водной гладью в самом деле был красивый и запоминающийся. Ансгар всегда любил возвращаться в родной фьорд после долгого отсутствия. Всегда ждал, когда драккар пройдет узкий пролив, и большой широкий фьорд откроется глазу вместе с дымным виком, чуть в стороне от которого высится над водой стоящий на каменном обрыве большой по норвежским меркам дом конунга, обнесенный высоким частоколом. Сейчас и не фьорд, а Ильмень-море следовало увидеть, от которого до фьорда еще плыть и плыть. Но было в этом тоже какое-то сходство в ощущениях, и, кроме того, выход в Ильмень-море уже говорил о значительном приближении к родному берегу и к решающим событиям, которые должны сделать жизнь Ансгара совсем другой. Хотя бы на день, но дом стал ближе, как стали ближе предстоящие суровые испытания.

Ильмень-море открылось как-то неожиданно, еще до того, как ладья миновала последний поворот. Основное русло расходилось на множество мелких русел, а за ними, поверх островов, поросших низкорослым кустарником и лишь изредка высокими раскидистыми деревьями, открывался простор водной глади. Ильмень-море было, конечно, совсем не такого цвета, как северные моря, такие милые взгляду юного конунга. Оно было и темнее, и теплее даже на взгляд, и вообще на настоящее море в его понимании было не слишком похоже, тем не менее простор воды уже был чем-то привлекательнее, ближе сердцу, нежели Ловать, зажатая между двумя лесистыми берегами, и словно бы к дому, к родине очень резко приближал.

– Парус... – громко сказал, чуть не крикнул сотник Овсень.

Сигнал предназначался кормчему Валдаю, который и на корме его услышал, несмотря на постоянный скрип весел в уключинах.

– Вижу... – отозвался Валдай. – Ладья словенская... Идет из Русы... Догоним?

– Догоним... – согласился сотник. – Узнаем, что нового в Русе и в Славене.

– Всем гребцам на весла! – зычно дал команду кормчий.

Где-то внизу, под палубой, началось стремительное шевеление, и сверху было видно, как высовываются весла в весельные окна, металлом о металл зазвенели уключины. В ладьях, в отличие от драккаров, и боковые весла имели свои уключины. По мнению Ансгара, это было неудобно – слишком много времени занимало, и сами весла, и устройство ладьи усложняло. Зачем такое сооружать, если можно просто выставить весло в весельное окно и грести. Окно небольшое, весло в нем не сильно «гуляет». Может быть, сила гребка с уключиной увеличивается, но не настолько, чтобы это стало решающим моментом.

– Налегай... Тяни дружно...

И новые гребцы, не дожидаясь отдельной общей команды, как обычно бывало на драккарах, сразу, один за другим, включились в свою ритмичную работу, подстраивая ее под ритм тех, что гребли раньше. Сбоя не произошло.

В отличие от драккаров, на которых места для людей всегда было мало, гребцы на ладьях спали в стороне от своих скамей, да и скамьи у них были несравненно более высокие, чем на скандинавских лодках, а сам ряд весел располагался значительно выше. И потому для вклю-

чения в работу дополнительных гребцов времени на ладье уходило больше. Но когда все весла начали грести дружно, ладья прибавила в ходе заметно. И парус небольшой ладьи впереди, что вышла из устья Ловати значительно раньше, стал быстро приближаться.

– А как Валдай узнал, что ладья словенская? – поинтересовался Ансар у сотника.

– В Славене корму чуть другую делают, более тупую, и борт чуть вперед наклонен. И сама ладья у них слегка пошире будет, чтобы товар лучше разместить. Словене – народ торговый, у них все к тому приспособлено.

– А словене в Русу свободно ходят?

– Когда войны нет, свободно, что ж не ходить. Народы-то, что ни говори, братские³. Но всякое бывает. Кто-то старое вспомнит, и начнется перепалка, а за перепалкой и что похуже. И нас в Славене так же встречают. Они у нас все пытаются Бьярмию отобрать, чтобы каменную соль оттуда возить, но без нашей соли тоже плохо себя чувствуют. Вареная соль в десять раз дороже каменной. Это для словен доход большой. У нас покупают, вам возят и перепродают...⁴ И пытаются наших купцов не пустить через Волхов. А это, сам понимаешь, еще один повод для ссор. Поссориться-то легко, вот помириться бывает трудно. Но города у нас торговые, и торговые гости понимают, что без мира все в разорение пойдут. Потому и миримся быстро.

– Стрелу пустите, – крикнул с кормы Валдай.

– Белун! – позвал сотник выглянувшего из трюма стрельца. – Отправь словенам «соловья».

– Я мигом... – отозвался стрелец, нырнул в трюм за луком и быстро вернулся, на ходу пристраивая к стреле глиняную свистульку.

– Что это? – спросил Ансар.

– Сигнал о добрых намерениях, – объяснил Овсень. – Приглашение на разговор.

Стрела сорвалась с лука с тонким переливчатым свистом, в самом деле сильно напоминающим трели соловья, и устремилась в сторону словенской ладьи. Но стрелец прицел брал выверенный и в саму ладью, конечно, не попал.

На словенской ладье, где сигнал поняли легко, поскольку сами умели такие сигналы давать и собственных стрельцов имели в достаточном количестве, почти сразу же подняли, а потом и убрали в глубину трюма весла, и через некоторое время парус пополз к рее, чтобы замереть там. Лодка легла в дрейф и плавно покачивалась на волнах, поднимаемых средней силы ветром. Словене ждали встречи.

Русы стали быстро нагонять соседей, и вскоре прозвучала новая команда Валдая. Парус подняли и подошли к словенской ладье на веслах, которые были вытасканы из уключин только в самый последний момент. Две лодки сблизилась, на палубы той и другой высыпали гребцы, с одной и с другой стороны тут же полетели прочные тросы, и еще через несколько мгновений ладьи прижались одна к другой округлыми бортами. Все это было сделано ловко и быстро, без дополнительных приказов, и привычность гребцов к таким встречам была видна сразу.

Когда драккары подходят один к другому вплотную, помнил Ансар, их почти прямые борта составляют долгую линию соприкосновения, и общаться один с другим или же воевать один против другого могут одновременно многие воины. Ладьи же за счет крутизны и округ-

³ Согласно древнерусской рукописи «Сказание о Славене и Русе» города Славен (ныне Великий Новгород) и Руса (ныне – Старая Русса) основаны в 3099 году от сотворения мира, то есть в 2409 году до н. э. братьями Славеном и Русом. В настоящее время практически все события, указанные в «Сказании о Славене и Русе», нашли многочисленные подтверждения в других источниках. Благодаря стараниям яркого сторонника «норманистской» теории в истории Руси Н. Карамзина, безосновательно утверждающего, что эта рукопись фальшивка, только потому, что она не вписывалась в его теорию, рукопись была на долгое время забыта и не рассматривалась всерьез, пока не стала объектом исследования армянских историков, совместивших события в русской и армянской рукописях и подтвердивших подлинность рукописи русской.

⁴ Согласно современным исследованиям разработку соляных источников в районе нынешней Старой Руссы начали вести задолго до рождения Христа, то есть еще в старой эре, и к началу новой эры соляные источники имели уже промышленное развитие. То есть соль варилась на продажу.

лости своих бортов соприкасались только небольшим участком, и на этом участке тут же был проброшен мостик в две доски. По мостику со словенской ладьи на ладью русов перешел коренастый кормчий.

Не думая зачем, Ансгар все же сразу подумал о том, как с драккара атаковать ладью. Это было бы неудобным, потому что слишком мала площадь соприкосновения, и слишком высок борт ладьи. С ладьи же атаковать драккар гораздо удобнее, потому что сверху вниз наносить удар всегда сподручнее. Юный наследник титула не думал о войне против славян. Тем не менее все его воспитание было такого характера, что любое событие он просто не мог рассматривать с мирной точки зрения.

Сам конунг во время встречи так и оставался пока на носу вместе с шаманом Смеяном, не торопясь вступить в разговор, пока его к этому разговору не пригласили. Его гордость не позволяла быть навязчивым. Но пригласили скоро. Сотник Овсень отыскал Ансгара глазами и поднял руку, привлекая его внимание. Ансгар пошел, чтобы познакомиться со словенским кормчим, хотя считал, что вообще-то, в соответствии с его рангом, кормчий должен был бы подойти, чтобы познакомиться с ним. Однако он был еще не в своих землях, где имел вес его титул, пусть даже все еще не окончательно утвержденный за ним, и потому подчинился местным порядкам.

– Конунг, нам тут кормчий Вандал рассказывает интересные вещи, тебя, кажется, касаемые прямо. Послушай...

Ансгар протянул Вандалу руку, здороваясь.

– Что интересного говорят, что и как меня касается?

– Вчера в Русу доставили несколько воев твоего народа, – предварительно качнувшись из стороны в сторону вместе с лодками, низким и хриплым, словно на всю жизнь простуженным голосом, сообщил словенский кормчий. – Их подобрала ладья моего друга, идущая в Русу, и сдала с рук на руки причальной страже.

Отвлекая общее внимание, вокруг словенского кормчего прошел, его со всех сторон и с головы до ног оглядывая, причальный Хлюп.

– Вот и мой друг из другой причальной стражи... – Вандал заметил нелюдя и уважительно протянул ему руку.

Хлюп принял рукопожатие как должное и в долгу не остался.

– Я рад видеть тебя, Вандал, сильно похудевшим. Ты здоров?

– Здоров, Хлюп, здоров.

– А почему так похудел?

– Есть стал меньше, чтобы моей ладье было легче меня носить. И купцы теперь могут больше товара загрузить, значит, мне больше прибыли.

– И это правильно, – серьезно заметил причальный. – Ты принял мои советы.

Ансгару неприятно было, что Хлюп перебил, может быть, важный разговор. Но и с этим конунгу пока пришлось тоже смириться, хотя такое положение, когда важный разговор прерывается из-за нелюдя, казался ему неприятным.

– А кого они подобрали и при каких обстоятельствах? – вернулся он к прежней теме.

– На обломках носового дракона с драккара по Ловати плыло пять человек. Четверо свеев и один урманин. Свеи за один большой обломок держались, урманин чуть отстал с другим обломком. Все в доспехах, потому рук отпустить не могли, иначе сразу бы пошли ко дну. Едва их вытащили в ладью, сразу драться стали. Урманин напал на свеев с кулаками – оружие в воде все пятеро растеряли. Едва растащить удалось. Свеи уверяют, что их средний двадцативесельный драккар был атакован на реке тяжелым тридцативесельным драккаром урман. Урмани таранили свейский драккар и попытались захватить. Но во время тарана обе лодки получили повреждения и пошли ко дну вместе с воями. Спасти удалось только тем, кто и приплыл по течению. Урманин утверждал...

– Я знаю, что мог утверждать урманин, – сказал Ансар. – Он говорил правду. Двадцатирумный драккар был у нас. Мы вынуждены были атаковать, потому что нам перекрыли дорогу с красным щитом на мачте. Как зовут того урманина?

– Этого я не знаю.

– Как он хотя бы выглядит?

– И этого не знаю, потому что рассказываю только то, что поведал мне кормчий с другой ладьи. Единственно, я слышал, что урманин ведет себя большим господином и всех подряд ругает. В том числе и спасшего его кормчего. Кормчий разбираться сам не стал, буяна утихомирил кулаком, а потом передал и сеев, и урманина речной варяжской страже, а те отправили всех на правож к князю. Поскольку все четверо сеев говорили одно и то же, а урманин был один, и рассказывал то одно, то другое, и вообще плел какие-то небылицы про меч, за которым охотятся сееи, и про утонувшего конунга, князь русов, который не терпит разбоя в своих землях, передал всех пятерых для суда сееям со стоящего у причала драккара. Те сразу же и отплыли.

– Утонувший конунг – это я, – хмуро признался Ансар. – А меч, за которым шведы охотились, висит у меня на боку. А урманин, который всех ругает, мог быть моим дядей ярлом Фраварадом. Простые гребцы и воины так ругаться не стали бы.

Взгляд Вандала скользнул по мечу достаточно равнодушно.

А юноша с чувством уважения к себе положил левую руку на драгоценную рукоятку своего оружия. И вся его поза соответствовала титулу конунга, и голос тоже. И таким поведением Ансар словно требовал к себе особого отношения.

– Прискорбно, но изменить что-то уже не в моих силах, – сказал словенский кормчий.

– Куда направился шведский драккар?

– Этого я тоже знать не могу, но, когда я сегодня утром шел в сторону Русы, мне навстречу попался двадцативесельный драккар из Дома Синего Ворона. Я знаю их символику – много раз встречался в разных гаванях. Судя по курсу, он направлялся в Славен... Но, сразу предупреждаю, я не уверен, что пленников передали именно туда. И не обязательно тот, первый, драккар поплыл в Славен, как попавшийся мне навстречу... А про этих сказать ничего не могу. Не буду путать вас, но шли они ходко и не остановились в ответ на мое приветствие... Впрочем, на приветствие они не всегда отвечают, что с дикарей взять.

– Мы можем догнать их? – спросил Ансар у сотника Овсеня, демонстративно пропуская мимо ушей очередное слово «дикари». Но надоедать это слово стало сильно, и даже тогда, когда оно к шведам относилось.

Сотник только плечами пожал, поскольку он мог говорить исключительно о своих воях, своих лошадях и лосях, а они на ладье двигательной силы не имели.

– Если только они сделали в городе стоянку на ночь, – за сотника ответил кормчий Валдай. – Но они могут просто пройти мимо Славена и сразу двинуться по Волхову. Тогда сейчас они уже прошли часть пути по реке. Но мы быстрее идем и можем догнать их или на выходе в Онежское море, или уже на Неве-реке.

– Тогда не будем терять время, – решил Ансар, как-то нечаянно принимая на себя командование. – Будем догонять...

– Будем догонять, – согласился Овсень.

– Если бы я знал, что кого-то это может заинтересовать, – прощаясь, сказал Вандал перед тем, как забраться на трап, – я бы расспросил все в подробностях. Счастливого пути и попутного ветра. Мне нет надобности перетомлять своих гребцов, и потому я буду идти неспешно. Все равно раньше завтрашнего дня до Славена не доберусь...

* * *

– А мы до Славена когда доберемся? – видя нетерпение юного конунга и сочувствуя юноше, опять проявляя свою доброту, спросил сотник у стоящего рядом кормчего.

– Можем среди ночи, можем к утру, это не имеет значения, потому что среди ночи река перегорожена цепями. Все равно придется до утра стоять, стража не пропустит, а если будем требовать, нас встретят стрелами.

– Но можно же сказать, что мы преследуем шведов, – возмутился Ансар, которому не терпелось догнать драккар Дома Синего Ворона и решить вопрос, который его волновал.

– Сказать можно. Но тогда нас вообще не пропустят, – невозмутимо заметил Валдай. – Никогда. Словене берегут свои торговые пути не хуже русов и репутацией устоявшегося спокойствия дорожат. Репутация их в безопасности Волхова. Город живет за счет пошлины. Тем более драккар принадлежит Дому Синего Ворона. Славенцы не захотят ссориться с теми, кто постоянно здесь плавает и приносит им немалый доход. И потому свои намерения лучше не раскрывать. Не волнуйся, конунг, все равно догоним. Дорога длинная, а скорость у нас выше. А до утра побережем гребцов. На Волхове им предстоит трудная работа, и потому ночь будем идти только под парусом. А догонять нам лучше уже в Ладоге-море или в Неве-реке, потому что на Волхове стоят словенские остроги, и они тоже могут доставить нам неприятности.

– И что? Будем терять такое драгоценное время? – спросил конунг недовольно и явно ожидая, что сотник его поддержит.

Но Овсень молча выслушал аргументы кормчего, более опытного в плаваниях, и так же молча принял их как неизбежность, с которой бороться бесполезно.

– Будем терять, – категорично сказал Валдай. – Я сейчас распоряжусь, чтобы гребцы пошли на отдых. Если сейчас поторопимся, имеем возможность дальше вообще не торопиться, потому что нам тогда придется возвращаться.

Кормчий словно не замечал желаний конунга или специально хотел делать все против этих желаний, и это злило Ансара. Чем ближе он подходил к своей власти, тем больше возникало препятствий – так казалось юноше. Хотя внутренний голос говорил, что основные препятствия еще впереди. Но и в одиночку бороться со сложившимися обстоятельствами он тоже не мог – среди славян не было его слуг, и даже сотник Большака, которого он нанял, слугой по большому счету не был и при любом удобном случае готов был показать собственную независимость. И потому Ансар вынужден был скрепя сердце согласиться. На ладье командовал не он, и даже не сотник Овсень, который казался более лояльным и которому самому не терпелось быстрее добраться до мест, куда увезли его жену с дочерью. И с этим нельзя было не считаться.

Распоряжения кормчего были сразу же выполнены командой. Ладья значительно снизила скорость в сравнении с тем, как шла раньше, хотя инерцию сохраняла еще долго. Три других ладьи быстро догнали первую и убрали весла, поравнявшись с ней. Сотник Овсень и кормчий Валдай разговаривали с экипажами других ладей громко и объясняли ситуацию. При этом не нашлось ни одного кормчего, кто высказал бы желание идти напролом. И даже руянский сотник Большака, казавшийся конунгу таким неукротимым и мало обращающим внимания на препятствия, согласно решил пойти отсыпаться. Но, скорее всего, с огорчением подумалось Ансару, отсыпаться он решил в обнимку с подарочным бочонком хмельного меда.

Ильмень-море было спокойно, хотя ветер дул устойчивый, но не крепкий, и каких-то чрезвычайных обстоятельств погода не предвещала и в течение ближайшей ночи. Ансар уселся на палубе, привалившись спиной к большой бухте скрученного под мачтой каната. У его ног сначала устроился только пес Огнеглаз, которому надоело смотреть сверху в воду и любоваться пенистой волной, что шла от носа, бесшумно разрезающего поверхность, потом подошли дварф Хаствит и причальный нелюдь Хлюп и сели по сторонам от конунга. Для пол-

ноты команды не хватало только кормчего Титмара, но тот уже несколько часов, как заметил Ансгар, проводит рядом с кормчим Валдаем, осваивая смежное для себя ремесло. На своем драккаре Титмар считался хорошим кормчим, но драккар имел совсем другой характер, там даже кормовое весло ставилось не на корме, как у ладьи, а сбоку рядом с кормой, и теперь Титмар собрался учиться управлять ладьей. Воспротивиться этому было грех, потому что в походе могут возникнуть любые обстоятельства, и тогда Валдая можно будет заменить своим человеком. Звать Титмара на отдых конунг не стал.

Причальный Хлюп тихо дремал, то прикрывая глаза, то открывая их, часто зевал, отгораживая рот широченной, как кормовое весло, ладонью, но окончательно, кажется, не засыпал. Хаствит, отоспавшийся за день, пытался освоиться с красивым кованым гребешком, который подарил ему кузнец Даята, и снова и снова брался за свою бороду, которую теперь уже не пытался расчесать целиком, но вычесывал по небольшому кусочку, начиная с нижнего края. Это давало заметный результат, и через час уже четверть бороды имела вполне благопристойный и даже величественный вид. Осталось только еще три четверти привести в порядок, потом так же обработать голову, и дварф грозился стать писанным красавцем, перед которым не устоит ни одна дварфиха.

А солнце тем временем неуклонно ложилось за горизонт. И хотя Ильмень-море было со всех сторон окружено землею, дальний берег, на который солнце ложилось, видно не было, как не было видно и словенского берега. Тем не менее к этому берегу ладьи медленно приближались, используя пока только силу ветра.

Сотник Овсень тоже устроился на палубе, на самом носу, но в одиночестве. Волкодлачка проводила время или с маленьким домовушей Извечей, что никогда не расставался со своим мешком, или со стрелецким десятником Велемиром, который не оставлял в покое шамана Смеяна и уже много часов вел с ним какую-то тайную беседу, прекращавшуюся, как только подходил сотник или кто-то другой. Волкодлачка тоже, кажется, в этой беседе принимала участие. Овсень видел, как десятник несколько раз обращался к ней с вопросом, и Добряна, видимо, каким-то образом на вопросы отвечала.

Извеча же, напуганный Ансгаром еще при погрузке, из страха перед волнами и вообще перед водой, поскольку плавать он не умел, предпочитал на палубу почти не подниматься.

Так все вместе встретили ночь. А ветер неуклонно приближал лодки к противоположному берегу не слишком великого по размерам Ильмень-моря...⁵

* * *

Костры стало видно до рассвета. Сначала они показались звездочками, упавшими с неба в Ильмень-море и отнесенными волной вдаль, и только кормчий Валдай сразу определил:

– У берега лодки стоят. Люди кострами греются. К утру здесь воздух всегда прохладный. Сырости много. По берегу болота лежат.

Правота кормчего подтвердилась быстро. Костры стали приобретать очертания, стало заметно, как они вытягиваются к небу. Одновременно с этим видно их стало хуже, потому что на смену ночной темноте, оттеняющей свет костров, медленно подступала предрассветная серость, и где-то там, у берега, плотной молочной полосой поплыл над водой туман, какое-то время удачно сопротивляющийся идущему с восходной стороны ветерку и скрывающий берег.

⁵ По данным современных гидрогеологов, во времена раннего Средневековья озеро Ильмень, называемое в те времена Ильмень-морем, имело значительно большие размеры. Так, Тулебельский залив Ильмень-моря доходил почти до Русы, и плавать в Русу можно было не только через реку Полисть, но и через небольшую речку Тулебля. Таким образом, по своим размерам озеро Ильмень было близко к настоящему морю, хотя и не могло сравниться с морями настоящими, но, соединенное с Балтикой реками Волхов и Нева с промежуточным Ладожским морем, имело право называться не озером. Кроме того, некоторые исследователи уверяют, что именно Ильмень-море называлось в ту пору Варяжским морем, а вовсе не Балтика.

Однако на смену серости, когда стало видно уже не только костры, но и ладьи, стоящие у причала, и просто у берега, и даже фигурки людей на берегу, пришел рассвет. Солнце выглянуло несмело, но у края горизонта задержалось ненадолго, легко набирая обычную утреннюю скорость движения по небосклону.

– А где городские стены? – спросил причальный Хлюп, никогда в такую даль не забиравшийся, хотя он и имел среди знакомых славенских кормчих.

– Это еще не Славен, – ответил кормчий Валдай скорее не нелюдо, а другим, которые сами вопрос не задали. – Мы мимо берега проплывем сразу в Волхов. Здесь лодки ждут, когда цепь опустят. Пока они свою похлебку варят, мы к самой цепи проберемся. Свою похлебку варить будем, когда драккар догоним. А то и шведскую похлебку съедим, если они нас на берегу дождутся. Хотя наша, пожалуй, повкуснее будет...

В устье вошли и сразу почувствовали это. Волхов имел сильное течение, и, чтобы на скорости не терять возможность маневра, пришлось на парусе взять несколько больших рифов⁶, но одновременно включить в работу по десятку весел с каждой стороны, чтобы течение не разогнало ладью, и при необходимости можно было провести маневр с помощью весел. На реке маневрировать следовало часто, потому что судов там стояло немало, а без весел, только под управлением кормчего, маневр был если не ограниченным, то, по крайней мере, излишне и опасно медленным. А при медленном маневре на заполненной судами реке легко с кем-нибудь столкнуться. Но, маневрируя удачно, без приключений продвигались вперед и вскоре увидели стены Славена. Стены казались мощными и высокими, не в пример стенам городища Огненной Собаки. И с двух сторон высились по обоим берегам реки. Это в действительности были настоящие стены, а не тын, и даже понизу, видимо, засыпные.

Валдай распорядился дополнительно подобрать парус. С почти уполовиненной его площадью скорость снизилась значительно, а потом парус подняли полностью и прошли остаток пути до цепи, перегораживающей реку, только на веслах и с помощью течения. Ансгару думалось, что при движении на веслах более широкая, чем драккар, ладья будет передвигаться медленно. Оказалось, что она ничем не уступала драккару, если не шла быстрее. Так, без парусов, все четыре ладьи одна за другой и подошли к причалу, но встали не у самого причала, где и места-то не было, а дальше, уткнувшись широким носом в береговой песок. И сразу сбросили трапы.

– Я бы тебе, конунг, не рекомендовал на берег спускаться, – сказал Овсень.

– Почему? – не понял Ансгар. – Мы с ярлом Фраварадом уже были здесь, и встретили нас с уважением. Меня должны хорошо помнить. Здесь знавали моего отца, и отношение к Кьотви перешло ко мне, похоже, по наследству...

– Вот поэтому я и не хотел бы, чтобы ты спускался, – настаивал сотник.

Ансгар смотрел вопросительно, не понимая смысла такого желания.

– Есть несколько причин... – Овсень все же объяснил. – Первая и главная – мы преследуем шведов и собираемся дать им бой. Твое появление на берегу подтвердит наше желание. Славенцы не хотят, чтобы кто-то воевал на их территории, не защищая их интересы. И постараются нас задержать, чтобы дать шведам уйти.

– Вторая причина – те же шведы, – за сотника продолжил объяснения кормчий Валдай. – У Дома Синего Ворона слишком большие торговые связи в Славене. Они могут кому-то заплатить, кого-то попросить, и тебя постараются задержать. И потому даже мы будем говорить, что плывем по торговым делам из Русы на Руян, а не из городища Огненной Собаки в Норвегию. Так будет спокойнее и надежнее.

– Да, – внезапно и сам юный конунг, осознав положение, согласился, и даже охотно. – Это все правильно. И вообще, лучше, чтобы не все знали, что я остался жив. Неожданное

⁶ Риф – стягивающее парус устройство, снижающее общую парусную площадь.

мое появление дома будет для многих неприятным сюрпризом. Вы мне подсказали хорошую мысль на будущее. Такой сюрприз сразу покажет, кто на чьей стороне и на кого мне стоит в дальнейшем полагаться, а с кем предстоит бороться.

– Есть и еще мелкие причины, – добавил сотник, – но достаточно и этого. Если ты хочешь отправиться дальше быстрее, то жди нас на лодке.

Ансгар согласился. Аргументы, в том числе и его собственные, были слишком убедительны, чтобы с ними можно было спорить, хотя совсем недавно ему казалось, что титул норвежского конунга, с которым он свyksя, еще не став конунгом официально, должен быть почетным пропуском через любые заставы. Но славяне лучше знают местную обстановку, и юноша решил все же положиться на них. Это уже в его родных краях они должны будут на него полагаться и у него спрашивать, как им лучше поступить. И это естественно.

И Ансгар терпеливо сел к той же бухте с канатом, где проводил ночь. Хлюп с Хаствитом опять расположились рядом, ну, и конечно, пес Огнеглаз.

А на берег отправились кормчие всех четырех ладей, и с ними сотники Овсень и Большака.

– Это недолго, конунг, – пообещал десятник Велемир, как и Ансгар, оставшийся на палубе. – Скоро поплывем дальше... Если нужно плыть быстрее, Овсень с Большакой все устроят. Они умеют договариваться. Кроме того, у Большаки везде есть друзья. Слышал я, есть и здесь. Многие с ним в дальние походы ходили. А такие друзья друг друга всегда поддержат.

Волкодлачка отошла от ног стрелыца и обнюхалась с Огнеглазом. Пес стоял слегка напряженный, с поднятой на холке шерстью, но, кажется, волчьего запаха уже не чурался и не старался спрятаться за людей или нелюдей, как бывало раньше. И даже осторожно помахивал иногда хвостом, показывая свое природное дружелюбие. Такое же дружелюбие демонстрировала и Добряна. Она всячески старалась показать, что она не волчица с человеческим разумом, а только человек, временно забравшийся в волчью шкуру.

Так и ждали.

Десятник оказался прав. Кормчие с сотниками вернулись скоро, и Валдай сразу стал отдавать команды. От берега отталкивались длинными и крепкими, хотя и гибкими, шестами. Песок еще не успел сильно обхватить нос ладьи и всосать его в себя, как случается при долгой стоянке, и потому на чистую воду Волхова вышли быстро. Ладья развернулась и готова была к продолжению пути. Хлопнул на ветру распушенный парус...

– Шведский драккар проплыл вчера вскоре после полудня... – сообщил Овсень. – Шведы сильно торопились... Будем догонять... Но впереди еще два драккара Дома Синего Ворона. Они из самого Славена вышли с грузом. Плохо будет, если они друг друга догонят и соединятся...

– Но мы же все равно атакуем их? – спросил конунг.

– Если мы не потопим их сразу, придется топить или рубить потом, когда доберемся до этого «вороньего гнезда», – ответил сотник Большака, еще не успевший уйти на свою ладью. – Но я не люблю откладывать надолго дела, которые можно сделать сразу... Порубим и потопим, и добычу разделим честно, не переживай из-за таких мелочей...

* * *

Началась погоня...

Конечно, погоня бывает гораздо более интересной, когда она проходит в присутствии преследуемого, то есть когда видно корму лодки, которую догоняешь. Тогда и у гребцов сил, надо думать, добавляется. Но гребцы и без того старались и сил не жалели.

А погоня началась еще до того, как ладьи покинули пределы города Славена. Валдай не приказал снизить скорость даже тогда, когда они проплывали мимо стоящих посреди Волхова

странных сооружений, до конца еще не построенных. Большие деревянные срубы поднимались из реки и были заполнены камнями. Срубы постоянно, похоже, наращивали и добавляли внутрь новые камни. Юный конунг смотрел на сооружения с удивлением.

– Это что, плотина будет? – спросил он. – А как же тогда проплывать?

Когда они, по дороге в городище Огненной Собаки, миновали это место вместе с ярлом Фраварадом, никто на норвежском драккаре на такой же вопрос юноши ответить не смог. Даже сам дядя, казалось, все знающий, только плечами тогда пожал в недоумении.

– А это будет мост, – сказал Овсень. – Они ставят на реке «быки», на них положат настил – хотят мостом соединить две половины города. Тогда проходящие суда контролировать будет гораздо легче. Видишь, уже и городские ворота ставят... С двух сторон...

Высокие городские стены были еще не разобраны, но рядом с ними уже возводились не полностью достроенные мощные ворота, через которые можно будет выйти на будущий мост. Все просто – сначала ставятся ворота, и только потом разбирается участок стены, которая замыкается на воротах. Так расстраиваться городу безопасно⁷.

В Скандинавии тоже иногда строили мосты через мелкие речки, но никогда не строили через такие сильные и глубокие, как Волхов, предпочитая пускать через реку плоты-паромы. Причем, судя по высоте «быков», мост здесь должен быть таким, чтобы драккары и ладьи проходили под ним с поднятым парусом. Конунгу такое сооружение показалось чудом, и даже не верилось, что нечто подобное когда-нибудь, возможно, научиться строить и у него на родине или в соседней Швеции. Обидой кольнула мысль, что славяне не зря зовут скандинавов дикарями, не строящими городов, но Ансгар старательно отогнал эту мысль, чтобы не чувствовать себя униженным. Униженный воин перестает быть воином, и эту старую истину молодой конунг помнил прекрасно. Помнил он и другую истину: главное предназначение мужчины – быть воином. И это, по мнению Ансгара, превышало все умение строителей городов и мостов. То, что строят строители, легко разрушает воин. Следовательно, воин сильнее, и слава его выше. И Один оценивает мужчин по степени славы, а не по умению что-то строить.

Город миновали быстро, и даже не удалось, как и по пути сюда, рассмотреть высившиеся за городской стеной более высокие стены местной крепости, которую словене называют кременцом. Однако, уже чувствуя себя конунгом, Ансгар, проплывая мимо стен, смотрел и представлял, каким образом этот город можно брать штурмом. И, к стыду своему, никому, к счастью, не видимому, не находил вариантов. По крайней мере, со стороны Волхова это казалось невозможным. Конечно, Ансгар не собирался отправляться с походом в славянские земли, как он сам себе же говорил. У него вообще не было еще никаких планов, ни оборонительных, ни наступательных. Ему еще следовало получить свой титул, и дальше этой цели заглядывать не стоило. Но дух норвежского конунга, то есть первого и главного человека в народе завоевателей, уже начал жить и работать в нем против собственной воли юноши. А что конунгу придется ходить в набеги куда-то в чужие земли, в этом Ансгар не сомневался. Все конунги ходили, и он не может стать исключением. Конечно, меч Кьотви наложил на Ансгара большие ограничения, и поход в славянские земли для него исключен. По крайней мере, с этим мечом. Но ведь мир большой и на славянских землях клином не сошелся. И существует немало городов и поселений и на закатной стороне, и на полуденной, и поселений несравненно более богатых, чем города Гардарики. В поход можно будет отправиться и туда, и вообще в любую сторону, кроме восходной и полуночной – на полуночной во льдах живут только тюлени и белые медведи, а на восходной те же славяне и подчиненные им народы, но и те находятся под покровительством славян. А сюда... А сюда могут плыть другие воины, возглавляемые ярлами...

⁷ Башни у ворот и у славян, и в Западной Европе строить начали только в восьмом-девятом веках. До этого ворота замыкались только стеной, имеющей с внутренней стороны поверху «полати» – площадки для воинов. При обороне эти «полати» заменяли башни.

Ярлам тоже хочется добычи и воинской славы. По крайней мере, сам не собираясь воевать со славянами даже из чувства благодарности, пусть пока и преждевременного, Ансар не собирався запрещать делать это своим ярлам. И даже мысли о том, чтобы принести своему народу какую-то другую жизнь, отличную от прежней, чтобы не звали больше норвегов дикарями, в голову молодому конунгу не пришло.

Кормчий Валдай, оставив за веслом своего помощника, но не доверив управление ладьей Титмару, хотя тот и просил, уверяя, что многожды плавал по Волхову и помнит фарватер, сходил в трюм и вернулся, как показалось, с простой, полой изнутри деревянной колодой, на которую была натянута сухая бычья кожа, и с дубинкой, обмотанной такой же кожей. И не сразу Ансар сообразил, что это такое. Колода была выдолблена изнутри так, что стенки оставались тонкими. Поставив колоду на палубу, Валдай посмотрел за борт, чтобы подстроиться под движения весел, и после этого нанес дубинкой удар по коже. Долгим тяжелым гулом загудел не только барабан, но, казалось, и вся палуба. Наверное, и в трюм звук тоже проник, потому что пустой стороной колода ставилась на палубу, и звук в саму палубу уходил тяжелыми вибрациями. Удар следовал за ударом. И только потом конунгу стало понятно, что кормчий таким образом задает ритм движениям гребцов. И если он начинал бить с достаточно большим интервалом, то постепенно интервал становился все меньше и меньше, гребцы ворочали веслами быстрее, и ладья заметно прибавила в ходе. Река доносила такие же звуки и с ладей, идущих следом. Значит, такой громогласный измеритель ударов весла в обычае у всех славян, в том числе и у живущих далеко на закате, потому что звучные удары слышались и с лады сотника Большаки, идущей последней.

Кормчие на драккарах, когда следовало установить ритм движения весел, пользовались обычно своим собственным голосом. Как правило, голоса хватало, потому что силы гребцов тоже не бесконечны, и долго двигаться в повышенном ритме трудно. Но кормчий только начинал, задавая ритм и порой даже срывая собственный голос, потом сами гребцы подхватывали его и сами же ритм отсчитывали, что помогало им грести дружнее. Существовали и специальные гребные песни, в которых ритм соответствовал гребкам. Конечно, когда лодка идет в дополнение к веслам под парусом, да еще и по ветру, то положение чуть-чуть полегче. Но Ансар хорошо помнил, что, когда они проплывали здесь с дядей, ярл Фраварад объяснил ему, где обычно кончается сырой ветер, идущий с Балтии. Тогда, в том пути, этот ветер был им подмогой, а потом пришлось поднять парус к реке и идти на веслах, да еще против течения. Скоро должны были подойти к обозначенному ярлом участку. Тогда ветер будет встречно-боковым, и Ансар не знал, смогут ли ладьи идти в прежнем темпе при таком направлении ветра. Опытные кормчие на драккарах умели так управлять парусом, что и при подобном направлении лодка тоже использовала ветер. Но у славян нет таких морей, как у норвегов и шведов, и нет, наверное, таких мореплавателей. И негде им было научиться виртуозному обращению с парусом. И Ансар предполагал, что скорость они потеряют, и именно потому кормчий Валдай сокращает время загодя и так разгоняет свою ладью. Но ладья шла и шла упорно вперед. Ветер пока еще держался полуденный и помогал гребцам. Ансар даже узнал место, где драккар ярла Фраварада вынужденно поднял парус из-за отсутствия ветра – там на береговом обрыве высился небольшой сторожевой острожек со смотровой вышкой, но сейчас то, о чем предупреждал ярл, не сработало. Должно быть, в этой речной дороге судьба была на стороне славян. Впрочем, она одновременно была и на стороне драккаров Дома Синего Ворона, потому что в их паруса ветер тоже дул. И трудно было сказать, сокращается ли расстояние между преследователями и преследуемыми, пока не видно было самих шведов.

– Когда мы Волхов пройдем? – спросил Ансар.

– С таким ходом в три с половиной дня справимся, – пообещал кормчий, переводя дух между ударами в колоду. – Обычно, когда не спешим, в четыре с половиной, иногда даже и в пять дней ходим. Это если на берегу подолгу засиживаемся.

Теперь кормчему уже и не было особой надобности подгонять гребцов. Он уже сделал свое дело, задал нужный ритм, и гребцы сами его поддерживали.

На драккаре ярла Фраварада Ансар, как помнил, потребовалось семь с половиной дней для преодоления реки. Но тогда они шли против течения, а сейчас двигаться пришлось по нему. Впрочем, чем дальше от Ильмень-моря, тем течение, как показалось Ансару, становилось слабее...

* * *

На палубу вышли стрельцы, осмотрелись, взглядом проверяя небо на погожесть, потянулись и вытащили из трюма корзины с древками для стрел. Чрезвычайно тяжелая корзина с наконечниками как была поставлена при погрузке на палубе, так там и оставалась, накрытая поверху невыделанной волчьей шкурой, потому что такой груз ни одна волна не смогла бы смыть.

Ансар подошел поближе, чтобы посмотреть на работу стрельцов, и даже взял в руки одно древко. Древко оказалось тяжелым и прочным, с уже подготовленным отверстием для наконечника, с прорезью для оперения и с «пяткой» для тетивы. Небольшие холщовые мешки с оперением из крыльев морской птицы были уложены здесь же, в те же корзины. Длина стрелы показалась конунгу великоватой, но не его дело было подсказывать умелым и опытным стрельцам⁸, как и чем им стрелять.

Говоря честно. Ансар не знал, как делают боевые стрелы у него на родине. Охотничьи стрелы – видел, делают из срезанных прямых веток, какие удавалось найти в лесу. Но долго приходилось искать, чтобы найти только одну ветку достаточно прямую. Здесь ни о каких ветках речи явно не шло. Славянские стрелы были сделаны не из легкой ветки, а из цельного расколотого дерева.

Почти у каждого стрельца был или камень-песчаник со специальным желобком, или костяной струг. И, прежде чем начать готовить для себя стрелу, они внимательно осматривали древко, убирали камнями или стругами все неровности и заусенцы и проверяли гладкость обработки, несколько раз проведя древком по тыльной стороне ладони или по щеке, у кого щеки не были сильно закрыты бородами. Юному конунгу показалось, что стрельцы в процессе работы любят свои стрелы, и, наверное, это было правдой. Еще конунг заметил, что то один, то другой стрелец что-то шепчет только что обработанной стреле, словно беседует с ней, словно бы считает ее существом с разумом. Может быть, это было каким-то особым славянским колдовством, которое трудно было понять иноземцу. И благодаря этому колдовству славянские длинные стрелы всегда такие точные и убийственные. Но спросить напрямую юноша не решился, опасаясь, что его поднимут на смех. Он спросил бы раньше, когда не был еще опоясан мечом Кьотви. Тогда и в смехе ничего плохого не было. А конунгу быть поднятым на смех очень обидно и оскорбительно. И приходилось сдерживать свое любопытство.

⁸ Обычно длина славянской стрелы составляла 75–90 см. Древко делалось из специально подготовленных березовых, еловых или сосновых хорошо просушенных колод, тщательно выстругивалось и шлифовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.